Искорка

6

Здравствуй, Фидель!

Текст читайте на 58-й странице.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания VII

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Искорка

№ 6 Июнь 1963 г.

Ежемесячное приложение к газете пионеров и школьников «Ленинские искры» — орган Ленинградских промышленного и сельского областных комитетов ВЛКСМ, Ленинградского Горкома ВЛКСМ и Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина.

В. Суслов

ВОЛШЕБНАЯ КАРТА

Мы вам сообщаем,
но чур — по секрету:
ВОЛШЕБНУЮ КАРТУ
СОСТАВИЛО ЛЕТО!..
И если ту карту найти,
развернуть —
Для каждого в лето
откроется путь.

На карте волшебной
всё ясно и просто:
«Проспект Муравьиный»,
«Грибной перекрёсток»,
«Аллея Птенцов» —
И, чего уже проще,
«Брусничный район»,
«Земляничная площадь»!

А сколько там улиц:
«Кленовых»,
«Сосновых»,
«Плакуче-берёзовых»,
«Шишко-еловых»!
А сколько тропинок
спешит, убегая:
«Лесная»,
«Речная»,
«Цветная»,
«Ржаная»!

«Река Переплюнь-ка»!
«Сосулькин родник»!
И даже противный
«Крапивный тупик»!..

Отличную карту составило лето.
Раскрасило ярко и...
спрятало где-то!..

Должны мы ту карту
скорее найти!
Разведать в грибные
районы пути,
В лесах отыскать
потайные дорожки
К чернике,
К бруснике,
К малине,
К морошке!
В поля — поработать.
На луг — отдохнуть.
Помочь огородам.
В сады завернуть.
На речку и в горы,
На пляж и в поход...
Открыты просторы!
Ребята, — вперёд!

Леонтий Раковский *Рисунки Г. Моисеевой*

Ненужный ПОПУТЧИК

Бомбы взялись доставить с Охты молодые революционеры — студент Куйбышев и курсистка Яковлева. Сделать это им было сподручно, — оба они жили на Выборгской стороне.

Короткий ноябрьский денёк близился к вечеру. Над Петербургом плыли низкие, серые тучи. На улицах было сыро и неуютно. Куйбышев и Яковлева шли на Большую Охту к Гордею, рабочему Охтинского завода, у которого в подполье хранился ящик с бомбами.

Валериан Куйбышев только в эту осень поступил в Военно-медицинскую академию. Агафья Яковлева, или, как она называла себя, Агата, училась на Высших женских курсах уже второй год. Ей было около двадцати лет, и она держала себя с семнадцатилетним Валерианом покровительственно, как старшая сестра.

Она молча шла впереди Куйбышева, не глядя по сторонам. В старом пальто и простеньком платочке Яковлева была похожа на прислугу, посланную барыней с поручением.

Худощавый, высокий Валериан шагал сзади, размахивая пустым портфелем, и живо смотрел по сторонам.

Яковлева лучше его знала Петербург, а Куйбышев приглядывался к городу, старался запомнить улицы и переулки. За три месяца жизни в столице он успел познакомиться только с ближайшими улочками возле Крапивного переулка, где он квартировал, да с улицами в районе Технологического института, — там Валериан давал уроки.

«Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская, Бронницкая».

Он запомнил их названия и расположение по начальным буквам, которые какой-то

остряк прочел следующим образом:

«Разве Можно Верить Пустым Словам Болтуна?»

Они минули арсенал и тюрьму «Кресты». Позади остались широкие людные улицы столицы. Началась захолустная Большая Охта, где было много деревянных домов. Валериан шёл к Гордею на Дребезгову улицу только во второй раз, а Агата Яковлева бывала у Гордея и прежде. Она уверенно шла мимо этих, похожих одна на другую, узеньких улиц — Алексеевой, Абросимовой, Гусевой. Вот уже Тарасова, за ней идёт улочка со странным названием Траурнова, где на углу бакалейная лавчонка, а там — Валериан уже запомнил — нужная им Дребезгова.

Яковлева считала себя опытной революционеркой: она не пошла прямо к Дребезговой, а свернула сперва на Траурнову, прошла её, убедилась в том, что за ними никто не идёт, что улочка пуста, и только тогда поворотила на Дребезгову.

Подошли к старому одноэтажному дому, взошли на крылечко с шаткими, скрипучими ступеньками. Вот пахнущие кислятиной небольшие сени и обшарпанная клеёнчатая дверь. Агата дёрнула за проволоку звонка, за дверью задребезжал колокольчик и женский голос сторожко окликнул:

— Кто там?

— Учительница, — уверенно ответила Яковлева.

Дверь широко распахнулась, и Валериан увидел знакомое курносое лицо Марии, жены Гордея.

Они ступили в маленькую кухоньку. И тотчас же к ним вышел из комнаты русоволосый, быстрый Гордей. Поздоровавшись, он ввёл молодых революционеров в свою единственную комнату.

— Я уже всё приготовил, — говорил Гордей. — Вы, Агата, идите с Марусей за занавеску, а мы останемся здесь.

Валериан и Агата решили унести бомбы и при первой возможности нанять извозчика: центральный склад боеприпасов находился на противоположном конце города, у Покровской площади.

Комната, в которой жил с женой Гордей, была перегорожена ситцевой занавеской. За ней стояла кровать. Маруся и Агата скрылись за занавеской, а мужчины остались в комнате, где был платяной шкаф, комод и стол с несколькими стульями.

Гордей раскрыл шкаф и начал доставать бомбы, которые заняли целый угол шкафа.

Валериан быстро сбросил пальто. Под пальто у него была суконная гимназическая блуза, подпоясанная ремнём. Он расстегнул блузу и стал класть за пазуху бомбы, рассовывая их во все стороны — за спину, в бока.

— Наденьте пальто. Сможете ли вы застегнуться? — забеспокоился Гордей.

Куйбышев надел пальто. Оно чуть сошлось на груди.

— Э, нет! Надо убавить: очень заметно, — сказал Гордей, оглядывая Куйбышева.

— Часть положим в портфель, — ответил Валериан, вынимая из-за пазухи бомбы.

Портфель набили до отказа, две бомбы Куйбышев положил в карманы брюк — и всё-таки в шкафу оставалось ещё много бомб.

— Маруся, как у вас? — спросил Гордей.

— Больше положить нельзя, — ответила Маруся, выходя с курсисткой из-за ширмы.

Яковлева была в пальто. Она заметно пополнела: Маруся сумела разместить у неё под пальто довольно много бомб.

Агата стояла среди комнаты, с застенчивой улыбкой оглядывая свою преображённую фигуру.

— Хорошо, хорошо, — уговаривала её Маруся, поворачивая девушку во все стороны. — Вечер. Никто не обратит внимания...

Остальные бомбы уложили в кошёлку-провизионку и сделали свёрток, привязав к нему для маскировки маленькую подушечку.

— Студенты, брат и сестра, перебираются с квартиры на квартиру, — сказал Гордей, оглядывая их в последний раз. — Ну, счастливо!

Валериан и Агата вышли в сени. Яковлева осторожно выглянула из двери на улицу.

Совершенно безлюдная Дребезгова тонула в вечерних сумерках.

— Идём, — сказала она.

Агата повернула направо к Среднеохтинскому проспекту. На углу Траурновой и Большеохтинского помещалась только бакалейная лавчонка: Яковлева резонно избегала лишних встреч.

Валериан снова шёл сзади. Теперь ему стало неудобно идти, — бока, спину, грудь сжимали бомбы. Руки оттягивали портфель и свёрток, — кошёлку несла Агата.

Они уже почти дошли до Среднеохтинского, когда услыхали за собой стук чьих-то шагов по тротуару. Валериан полуобернулся и, к своему ужасу, увидал на противоположной стороне улицы околоточного. Низенький, толстый, он не спеша шёл за ними шагах в двадцати.

Сразу стало неприятно сухо во рту. Что-то дрогнуло в груди. Но Куйбышев с детства привык подражать во всём Суворову. Недаром над кроватью Валериана висела гравюра, изображавшая его любимого генералиссимуса. А отец всегда называл Валериана: «Наш Суворов!» И теперь Валериан вспомнил суворовское: «напуган — наполовину побеждён!»

Валериан, пересиливая себя, старался не поддаваться страху.

— За нами идёт околоточный, — шепнул он недрогнувшим голосом Агате.

Яковлева, потупившись, продолжала, не убыстряя шага, идти вперёд.

«Откуда он, дьявол, взялся? Неужели сторожил? — мелькали мысли. — И что делать? Шмыгнуть в какой-нибудь двор?» — думал Валериан.

В томительном, тревожном волнении они дошли до Среднеохтинского. Агата свернула налево, на проспект.

Шаги полицейского попрежнему стучали сзади.

Миновав Траурнову, Яковлева свернула в следующую за ней, Тарасову, и пошла в противоположную сторону, к Неве. Она петляла, чтобы посмотреть, пойдет полицейский за ними или нет.

Шаги всё так же неотступно следовали за ними.

С Валериана тёк пот. Груз оттягивал руки. Особенно занемела левая рука, в которой он нёс тяжёлый свёрток. Надо было бы хоть на минутку остановиться и попробовать переложить свёрток в правую руку, а портфель взять в левую. Но это показалось бы подозрительным: ведь по внешнему виду их пожитки не могли заключать в себе ничего тяжёлого.

Нельзя было ни остановиться, ни посоветоваться с Агатой. Она размеренно и внешне спокойно продолжала намеченный путь.

Валериан совершенно обессилел, когда они наконец прошли эту чёртову Тарасову улочку и вышли на Большеохтинский. Здесь Яковлева снова повернула направо в следующую, Гусеву, улицу.

Шаги околоточного по-прежнему стучали сзади.

Измученный Валериан уже хотел было — будь что будет! — остановиться и хоть вытереть пот, который ручьями тёк со лба по щекам и шее, но вдруг увидел впереди у одноэтажного кирпичного дома извозчика.

Извозчик, видимо, привёз кого-то и теперь лениво плёлся к Среднеохтинскому, ссутулившись и, больше по привычке, чем по необходимости, помахивая кнутом.

Валериан собрал последние силы, прибавил шагу и, обогнав Агату, окликнул:

— Извозчик!

Извозчик остановил лошадь и полуобернулся к ним.

Валериан поставил в старую грязную пролётку оттянувшие ему руки свёрток и портфель и в это время с радостью заметил, что преследовавший их околоточный вошёл в какой-то двор.

Агата, не говоря ни слова, села в пролётку.

— На Покровку! — крикнул извозчику Куйбышев.

— Риццат копеек, — запросил с них извозчик-финн, ожидая, что пассажиры станут торговаться.

Но седок плюхнулся на сиденье пролётки и, вытирая с лица ладонью пот, облегчённо сказал:

— Ладно, ладно, поезжай.

Извозчик чмокнул, дёрнул вожжами, и лошадёнка опять затруси́ла.

— Ну и оказия! — обернулся к Агате довольный Валериан.

Он ожидал, что увидит на лице курсистки улыбку, но лицо Яковлевой выражало не радость, а презрение и ужас.

— Что с вами, что такое? — нагнулся к Агате изумлённый Валериан. — Полицейский же ушёл!

Яковлева поджала губы и пронзила Валериана уничтожающим взглядом.

— Вы сознаёте, что вы сделали? — трагическим шёпотом торопливо сказала она. — Вы обрадовались: «Полицейский ушёл!» Да ему теперь незачем за нами гнаться, понимаете? Вы же так громко назвали адрес нашего центрального склада! Околоточный сейчас же сообщит по телефону, куда следует, и теперь провалимся не только мы, но и наш склад!

И она стала рисовать перед ошеломлённым Валерианом все гибельные последствия его необдуманного шага.

— Давайте не повезём бомбы на Прядильный, — упавшим голосом сказал растерянный Валериан.

— Я на это не пойду! Если вы назвали адрес склада, то склад всё равно будет провален! Товарищи, работающие там, погибнут. И мы должны погибнуть с ними! — решительно заявила Яковлева.

Валериан сидел ни жив ни мёртв. Он не был искушён в конспирации, в подпольной работе. Он во всём слепо верил Агате, — она была старше и опытнее его. Куйбышев не

видел ничего — ни домов, ни прохожих. Он не боялся смерти, но ему было стыдно, тяжело, что он провалил всё дело.

А извозчик тащился еле-еле...

Уже стемнело, когда они приехали к Крюкову каналу. До самого склада, который помещался на Прядильном переулке, конечно, не доехали, а вышли из пролётки ещё на канале и дальше пошли пешком.

Пот снова тёк с Валериана по щекам и шее, но уже не от того, что было тяжело нести груз, а от волнения. Сердце лихорадочно колотилось, в висках стучало. Валериан шёл и думал: «Есть ли свет в окошке у Василия?»

Склад был устроен в полуподвальном помещении жестяной мастерской.

Дóма, в далёком казахстанском Кокчетаве, у Куйбышевых было заведено так: если в семье Владимира Яковлевича Куйбышева всё благополучно и к ним можно заходить гостям, то обычно ставили на подоконник зажжённую свечу или лампу.

Валериан предложил и Василию применить этот же сигнал. Василий согласился. Они условились: если в мастерскую можно входить без опаски, то Василий поставит на окно лампочку.

И вот теперь Валериан шёл и с тревогой смотрел: есть ли огонёк?

Агата шла, потупив голову, как на казнь.

Вот и переулок. Вот и дом. И вот — ура! — почти у самой земли призывный огонёк!

Значит, Агата неправа: склад цел, никакого провала нет!

Значит, Валериан и Агата выполнили задание партии!

Василий был в мастерской один. Он встретил Яковлеву и Куйбышева с радостью. Повёл их в заднюю комнату, нарочно захламлённую старыми каркасами круглых печей, листами жести и прочим. В этой комнате разгрузились от бомб.

Агата не переставала утверждать, что околоточный сообщил полиции адрес склада и что жандармы вот-вот нагрянут сюда, на Прядильный, но Василий только смеялся над её страхами.

Освободившись от тяжёлого груза, Агата и Валериан отправились к себе на Выборгскую сторону. Осторожная Агата долго петляла по улицам, чтобы замести свои следы, но за ними, кажется, никто не следовал.

У Исаакия Агата наконец решилась нанять извозчика, и они поехали домой.

Валериан уже было совершенно успокоился, но Агата продолжала видеть всё в мрачном свете: она упрямо твердила, что Василий только не хотел их пугать, что сегодня ночью на склад непременно нагрянет полиция, что Василия непременно арестуют и приговорят к смертной казни за хранение бомб. И она вконец испортила Валериану настроение.

Куйбышев вернулся в свою комнату в Крапивном переулке темнее тучи. Опасения за жизнь товарищей выплыли с новой силой. Радость от успешно выполненного задания уступила место почти отчаянию. Он нехотя, наскоро напился чаю и в волнении стал шагать по своей маленькой комнатке из угла в угол. Он то ходил, то ложился на кровать.

Пришла ночь. Усталый, изнервничавшийся Валериан забылся тревожным сном. Он спал не раздеваясь, готовый в любую минуту вскочить и драться с полицией, и просыпался от страшных кошмаров. Валериану снился палач, почему-то похожий на профессора анатомии, снилось, что в комнату входят жандармы. Он вскакивал с постели, хватался за небольшой «Смит и Вессон», лежавший у него под подушкой.

Но кругом была ночь, и, кроме храпа квартирной хозяйки и редких железнодорожных свистков, никаких звуков не было слышно.

Убедившись, что всё спокойно, Валериан снова валился на постель и снова засыпал, твёрдо думая об одном: если завтра он узнает об аресте Василия, то без всякого колебания пустит себе пулю в лоб.

Так Валериан промучился всю ночь.

Он спал и не слышал, как в

квартире задребезжал звонок, как хозяйка, шлёпая туфлями и зевая, пошла открывать дверь.

К нему на самом деле пришли, но это была не полиция.

Куйбышев проснулся и сел на постели. Перед ним стояла «тётя Лиза», старая революционерка, ведавшая пересылкой и хранением оружия.

Квартирная хозяйка уже привыкла к этой сорокалетней женщине, которая раза два наведывалась к её юному жильцу. Эта тётя, как и положено тёте, всегда читала Валериану разные нравоучения. Вот и сегодня она принялась бранить Валериана за то, что он лёг спать не раздевшись. Дальше хозяйка не стала слушать, — пошла возиться с самоваром.

Оказалось, что тётя Лиза уже была сегодня на Прядильном и, услыхав от Василия о всех опасениях и тревогах Агаты, приехала на Выборгскую, чтобы успокоить встревоженную молодёжь. К удивлению и радости Куй-

бышева, тётя Лиза искренне смеялась над всеми их страхами.

— А не помните ли вы, что было раньше, — спросила она у Валериана, — закрылась за околоточным дверь в доме, куда он вошёл, или вы громко назвали извозчику адрес?

— Я назвал адрес, — выпалил Валериан.

— Нет, нет, не торопитесь, вспомните-ка хорошенько! — настаивала тётя Лиза.

Куйбышев стал перебирать в памяти вчерашний вечер.

— Да, верно, — просиял он, — вспомнил, вспомнил! Раньше я услыхал, как за полицейским стукнула дверь, а потом уже от радости громко сказал: «На Покровку!» Да, да, ей-богу так! — потирая от удовольствия руки, говорил Куйбышев. — Как это мы не сообразили!

— Ну вот видите. А вы так тревожились понапрасну. Посмотрите, до чего довели себя: под глазами круги, лицо жёлтое... — с лёгкой укоризной отчитывала Валериана тётя Лиза. — У страха-то глаза велики!

— Так ведь это же не я, а Агата... — вполголоса оправдывался Валериан.

— Ну, хорошо, забудьте все вчерашние волнения, — говорила старая революционерка. — Вы держали себя молодцом!

Но Валериан Куйбышев всю жизнь не мог забыть эту первую тревогу. Храбрым же и стойким он оставался до конца своих дней.

В. Шумилин

Солнечный зайчик

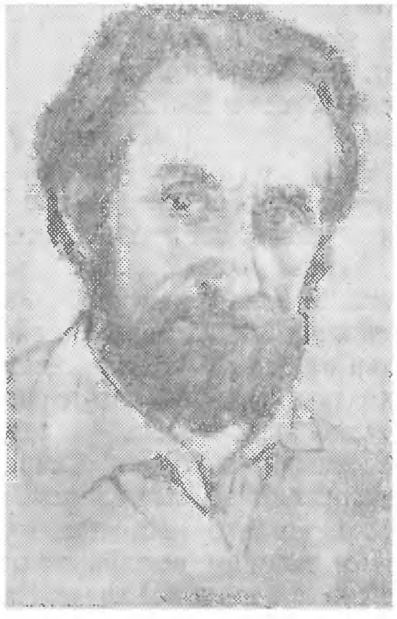
Сидел я как-то на окне
В весёлый, майский день.
Эх, до чего же было мне
В тот день учиться лень!
Достал я зеркала кусок,
И сразу «зайчик» —
скок-поскок!
Собралась публика кругом,
Сбежались все мальчишки:
Мой «зайчик» с Лёшкиным
щенком
Резвился в «кошки-мышки».
Девчонка мимо шла одна.
Её он вмиг настиг.
И показала мне она,
Обидевшись, язык.
А после дворник мне кричал,
Что скажет всё отцу,
А «зайчик» весело гулял
По хмурому лицу.
Кота дремавшего вспугнул,
В окно напротив заглянул,
Какой-то женщине в глаза
С панели прыгнул прямо.
Ой, что наделал я, друзья!
Ведь это... мама!

В. Кононенко

Рисунки Л. В. Птицына

Человек не сдаётся

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ



Л. В. Птицын

Автопортрет

У СТАРОГО доктора в руках альбом. В альбоме рисунки. Каждый рисунок — страничка жизни. Как по книжке, читает доктор историю маленького мальчика, который лежит сейчас рядом в палате. Лампа на столике дежурного врача бросает мягкий жёлтый свет, и рисунки оживают.

...Замёрзшее окно. Стол, лавка. На столе — самовар и толстощёкий чайник с цветочками. На лавке — мальчишка: босые ноги не достают до пола, волосы спутаны, глаза смотрят серьёзно, а рожица проказливая. Это сам автор рисунков — Лёнька, по прозванию «мазила».

Скучно Лёньке. Мама ушла на работу, Анюта в школу убежала, — все делом заняты. Только Лёньке делать нечего. Сиди один да слушай, как вода из рукомойника капает.

«Может, ещё раз за печкой поискать?..»

Лёнька берёт кочергу и начинает шарить за печкой. Шишки рассыпались, паук пробежал, а валенок нет. Уж если мамка что-нибудь спрячет — ни в жисть не найдёшь!

А всё из-за рисования этого. Не даёт Анютка Лёньке карандаши. «Потеряешь, — говорит, — а мне от учительницы попадёт». И бумагу не даёт, жадина: «Пойдёшь в школу, тогда всё получишь». Жди ещё, когда в школу-то! Зиме и конца не видно.

Не утерпел вчера Лёнька: вытащил из Анюткиной сумки какую-то тетрадку, карандаши в коробочке и забрался на сеновал. В тетрадке у Анютки — закорючки да палочки. Совсем некрасивые палочки. Лёнька из них забор сделал. За забором дом с трубой нарисовал, из трубы дым валит. Красиво получилось! Хотел ещё Бурёнку нарисовать — не успел: будто оса в ухо впилась! Глянул — мамка.

— Что же ты, негодник, наделал?! Всё чистописание ис-

портил! Как теперь сестре в школу идти?

Вот и сидит теперь Лёнька наказанный: мамка валенки спрятала.

Полдень уже. Солнечный лучик заглянул в избу. На его свет, как бабочки на огонь, пылинки слетелись. Лёнька на окошке ногтём иней поскрёб, подышал на стекло. Всё видно теперь! Алым пламенем горят шапки сосен, аж глазам больно. Берёза застыла, не шевелится. А вон и красногрудка! Уцепилась лапками за ветку, почки клюёт. В углу палисадника под рябиной что-то набросано. Так и есть — ягоды. Это снегири кормятся. Свиристели клюют ягоды целиком, а снегири только косточки, мякоть и кожицу выплёвывают. Лёнька про птиц всё знает. Недаром его фамилия — Птицын.

...У доктора в руках другая картинка. На ней — Анютка, собственной персоной. Тонкие косички торчат, как крысиные хвостики, на концах ниточками завязаны. Анютка ростом маленькая, чуть побольше Лёньки. Зато матери помощница, не то что Лёнька-мазила. Вот уже и в школу пошёл, а нет, чтобы уроки учить, — всё что-то карандашиком черкает, чепухой занимается. На картинке Анютка как живая, сердится. Так, кажется, и закричит: «Ну чего глаза пялишь, дай пройти! Видишь, воду в баню несу».

А на этой картинке Лёнькина первая учительница — Валентина Ивановна. Это с ней у Лёньки во втором классе конфуз вышел. Пришла как-то Валентина Ивановна на урок. Подтянутая такая, красивая, волосы на солнце светятся! Лёнька и сам не заметил, как рука за карандашом потянулась. Быстро-быстро забегал карандаш. Прозвенел звонок, а в тетрадке ученика второго класса Леонида Птицына вместо контрольной работы по арифметике красовался в общем-то довольно похожий портрет учительницы... Лёнька был немедленно отправлен домой за матерью.

Прошлогодний берёзовый веник закончил своё существование на Лёнькиной спине.

...Много рисунков в альбоме. Некоторые даже акварельными красками нарисованы. Вот ребята по грибы идут, вот рыбу ловят. А дальше уже совсем про другое...

Тяжёлое небо жмётся к земле. Чудится, будто колёса скрипят, пыль

на зубах хрустит. Люди идут и идут. Лёнька сидит на телеге, поддерживает узлы. Телега на ухабах спотыкается. Анютка корову гонит. Далеко позади остался дом. Там война.

Ещё несколько листов. Всё война, война. Идут в бой танки, падают подбитые фашистские самолёты, с криками «ура» бегут в атаку наши солдаты.

И вот опять родная деревня. Только не узнать зелёную Кудеверь. Обуглились берёзы, вместо домов чёрные трубы печей торчат, рядом — землянки. Женщины и ребятишки в огородах копаются. Картошку «глазками» сажают. Вручную. Картошку выдают по счёту. На каждого человека — двадцать картофелин. Каждую картофелину потом на части режут. Сколько «глазков» — столько частей, чем больше, тем лучше: каждый «глазок» прорастёт, несколько картофелин даст.

А по полю везде обрывки колючей проволоки, помятые каски, гильзы валяются. И мины. Снег сошёл, и они выползли на поверхность. А некоторые ещё в земле притаились.

Чёрные грачи по полю ходят. Косятся по сторонам круглыми голодными глазами.

Всё заметил маленький художник. Ничего не пропустил.

Дальше пошли в альбоме пустые белые листы. Нет больше картинок. Ни весёлых, ни грустных, ни красками, ни карандашом. Вздохнул старый доктор и закрыл альбом. Тихонько пошёл в палату.

ЛЕНЬКА, весь в бинтах, похожий на большую спелёнатую куклу, лежал на кровати. Из-под бинтов на лоб выбилась прядка потемневших волос. Дышал Лёнька неспокойно. Светлые ресницы тихонько вздрагивали.

Вот уже неделю дежурят

доктора у Лёнькиной кровати. Надежды мало. Очень много крови потерял мальчишка. К тому же — тяжёлая контузия. Если и выживет... Жалко, талантливый был парнишка! Доктор провёл по лбу рукой, как бы стирая тяжёлые мысли, и осторожно прикрыл за собой дверь.

У палаты на скамейке прикорнула рядом с медсестрой мать Лёньки. Не спит она, смотрит сухими глазами на дверь палаты. Слёзы все давно уж выплакала. Два старших сына с войны не вернулись, а теперь с младшеньким беда приключилась.

Сколько раз ведь говорила: «Не лезь ты в это дело, мал ещё, куда тебе». Боялась, боялась всё, а оно так и вышло.

А было вот что.

Когда картошку сажали, тётка Настя в сторонке работала, у речки. Настасья копала, а сын её маленький, Васька, тут же крутился, картошку на кусочки резал. Ударила Настасья лопатой о мину, что в земле притаилась, и... грянул взрыв.

В те дни лежал в селе раненый сапёр. Потихоньку с костылями начинал уже по комнате передвигаться. Вот к нему-то и пришли люди за советом:

— Как жить будем? Пахать надо, сеять надо. Ребятишки везде лазят. Не миновать ещё беды. Посоветуй, как быть?..

Так и этак прикидывал старый солдат, а, как ни крути, всё выходило: ребят, что постарше, к этому делу приспосабливать надо. Некого больше. Мужиков-то совсем в деревне не осталось.

Лёньку он было назад прогнал, — мал ещё. Но когда забрал сапёр миноискатель и потихоньку в поле двинулся, разве Лёньку удержишь?! Увязался следом.

Учителем сапёр Федор Андреевич хорошим оказался: скоро ребята научились самостоятельно мины обезвреживать. И двенадцатилетний Лёнька тоже научился. Много этих ящиков со смертью разрядил, обезопасил. Нашёл однажды в лесу какую-то странную штуку. Устройство непонятное. Бросить? Но вдруг кто-нибудь не заметит да на эти штуковины наткнётся, а они опасные? Посмотрел по сторонам, — в кустах много таких же притаилось. И решил тут Лёнька проверить их. Нажал что-то. Качнулась под Лёнькой земля, небо в сторону полетело.

Пришёл Лёнька в себя, сгоряча вскочил на ноги. Боли не чувствовал. Хотел липкую землю с лица стереть и увидел, что нету рук... По самые локти нету...

ДОЛГО боролись за него доктора, — выходили. Вернулся Лёнька домой. Мать совсем старухой стала. Смотрит на сына печальными глазами и утешает: «Ничего, сынок, окрепнешь, попрошу в сельсовете, чтобы в пастухи тебя взяли. Всё при деле будешь».

Не любит Ленька, когда его жалеют. Убежит в лес или над речкой сидит, смотрит. В песке камушки сверкают: зелёные, красные, жёлтые. Мальки Лёньку не боятся, у самого берега ходят, поблёскивают на солнце тёмными спинками. У самой воды скользят синие стрекозы. Дрожат бусинки росы в зелёных ладошках клевера. Вот бы нарисовать это всё! А он не то что рисовать, хлеба кусок отломить себе не может. Мать моет и причёсывает его, как в детстве. Даже кормит с ложечки, будто маленького! Неужели всю жизнь кто-то будет протягивать ему кружку с водой, помогать одеваться, поднимать с пола оброненные вещи?!

А с учёбой как быть? Школу уже отстроили. Все его товарищи в шестой класс пойдут. Придётся им для стенгазеты другого художника выбирать...

...Снова сидит Лёнька один в избе. Как тогда, когда у него мать валенки отобрала. Только теперь похуже...

Анютка в школу ушла, мать на работу. Все делом заняты, одному Лёньке никакого дела не поручают. Но Лёнька без дела сидеть не любит. На столе карандаш лежит. Самый обыкновенный, голубенький, «Пионер». Вот уже несколько дней подряд, когда все уходят, Лёнька пытается научиться брать карандаш в руки. Он долго катает его по столу, стараясь зажать локтями. Карандаш юркий: скользит, не слушается. Только бы опять не скатился на пол! Тогда всё пропало, — с пола Лёньке его не поднять...

Но вот наконец-то!.. Попался! Теперь надо попробовать букву «А» вывести. На бумаге появляется что-то совсем непонятное. Трёхлетний ребёнок и то лучше напишет. Придётся ещё раз попробовать.

Идут недели, тянутся месяцы. В ход идёт всё: старые газеты, обложки тетрадей. Карандаш уже совсем ручным стал: слушается Лёньку. Но буквы ещё такие, что смотреть на них страшно!..

Через год Лёнька снова вернулся в школу. За время болезни он всё позабыл. Особенно с русским языком не ладилось. «Кому все эти запятые понадобились?.. Голову сломаешь, пока догадаешься, куда их ставить...» В конце третьей четверти в Лёнькином табеле стояли две двойки: по русскому языку и по литературе. Но Лёнька уже махнул рукой на учёбу. Весной ребячьими душами овладевал футбол. Вот тут-то Лёнька оставался непревзойдённым игроком! Никому не удавалось обогнать его или из-под ноги мяч увести.

Было у Лёньки Птицына и ещё одно любимое занятие: к колхозному землемеру в гости ходить, — в доме у Никандра Михайловича много всяких удивительных вещей.

Когда Лёнька приходит к Никандру Михайловичу, сердце его часто-часто стучит. Это от какого-то тревожного восхитительного запаха. Теперь-то Лёнька знает, что так пахнут масляные краски. Они лежат в

этюднике, — это ящик такой для красок. Очень красиво эти краски называются: красная — «киноварь», голубая — «кобальт», зелёная — «хром». Как чудесная музыка, звучат в Лёнькиной душе таинственные и заманчивые названия красок.

В свободное время Никандр Михайлович берёт холст, натягивает его на раму и ставит на специальную подставку — мольберт. Есть ещё у Никандра Михайловича дощечка такая — палитра. На ней он краски кисточкой смешивает: то одну прибавит, то другую, пока нужного тона не добьётся. Часами сидит Лёнька за спиной у Никандра Михайловича, смотрит — не дышит. На холсте постепенно речка появляется, потом лес...

— Здóрово-то как! — ахает Лёнька.

— Нет, Лёня, совсем не здóрово, — вздыхает Никандр Михайлович. — Не видал ты, брат, работ настоящих художников! Я ведь что? Самоучка. Когда колхозы ставили да с кулачьём боролись, не до картинок было. Потом опять же война. А я ведь в молодости мечтал в Академию художеств поступить. Есть такая в Ленинграде. Оттуда все наши великие живописцы вышли. Ты про Репина, про Сурикова слыхал? Тоже там учились. Чтобы в эту академию попасть, большой талант нужно иметь! Говорят, что способности у меня к этому делу определённо были. Только, что ж, видно не судьба!

Как-то Лёнька долго не приходил к Никандру Михайловичу, а когда наконец пришёл, то почему-то постоял у порога, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты что там, Лёня, к порогу примёрз? — обернулся Никандр Михайлович. — Проходи, не стесняйся! Сейчас чай пить будем.

— Да я вот показать хотел...

— Что там у тебя? О, рисунки! Неужели сам? Подправить кое-что надо, а в общем ничего! Да ты раньше-то рисовал, до... ну, словом, карандашиком баловался?

— Было дело. У меня и альбом сохранился. У мамки в сундуке спрятан.

— Так что ж ты молчал? Тебе учиться надо! А я-то думаю: что это парень около меня крутится? Вон оно что тут! Будешь учиться? Говори сразу.

— Да я хоть сейчас... Только разве у меня получится?..

— Всё получится, если человек хочет. На то он и человек!

С ТОЙ ПОРЫ будто подменили Лёньку. Не то что на рыбалку, со двора не вытащишь. Сначала Лёнька попробовал ложку нарисовать, потом чугунок, в котором мать щи варит, потом кринку... Нарисует и к Никандру Михайловичу несёт.

Дальше — больше. Поставит перед собой кувшин, рядом хлеба буханку да луковицы — это уже натюрморт целый, композиция.

Бумага под карандашом вертится, работа же тонкая, штриховка нужна: где тень падает, где свет... Попробовал красками — стаканчик с водой

на бумагу опрокинул. Начинай сначала!

Так ещё год прошёл. Как-то Никандр Михайлович, просматривая Лёнькины рисунки, сказал:

— Ну вот что, браток: я тебе больше не учитель. Тут серьёзная школа нужна. Поезжай в Ленинград, может пробьёшься в художественное училище.

...Увядала в поле трава с рыжими подпалинками, когда провожала мать Лёньку в дорегу. Надела котомку на плечи, застегнула пуговицы:

— Может, останешься, сынок, не поедешь? Как ты там один в чужом городе?

— Не пропаду, мама, не бойся!

ВОКЗАЛЬНАЯ суета и шум большого города ошеломили Лёню. Он отошёл в сторонку, решив переждать, пока схлынет толпа. Но толпа не уменьшалась. Подождал-подождал и сам пошёл проталкиваться.

Было ещё очень рано, когда Лёня спустился с моста Лейтенанта Шмидта. На Неве, покачиваясь, дремали лодки. Неприветливая свинцовая волна стучала в гранитные ступеньки. То ли дело в Кудевери, — вода в озёрах прозрачная, ласковая!.. А это ещё кто такие? Справа и слева от Лёньки высились непонятные каменные фигуры с человеческими лицами и звериными телами.

— Ты чего рот разинул? Сфинксов не видел? — Около Лёньки стоял рыжий мальчишка с папкой в руках. Он хотел сказать ещё что-то, но вдруг осекся и уже более дружелюбным тоном добавил: — А ты Медного всадника видел? Во-он на той стороне стоит. А это купол Исаакиевского блестит. Я каждый раз, когда в академию иду, здесь останавливаюсь.

— А ты что, в академии учишься? — с недоверием спросил Лёнька.

— Почти что в самой академии: в средней художественной школе. Её ещё «школа одарённых детей» называют.

У здания остановился трамвай. Из него, как горох, высыпали ребята с широченными папками.

— Это наши. Пора мне... — Но тут рыжий заметил, что у деревенского паренька под мышкой торчит альбом. — Что это у тебя?

— Да вот, рисунки...

— Ты... рисуешь? — Мальчишка с недоверием посмотрел на пустые рукава Лёнькиного пиджака.

— Ага, посмотри, если хочешь.

Мальчишка раскрыл альбом.

— Здóрово! Как же ты, а? — Рыжий рассматривал рисунки, далеко отставляя их на вытянутой руке. — Просто здóрово! У тебя определённые способности. Пойдём, я тебя с нашим Александром Петровичем познакомлю. Может быть, он что-нибудь посоветует.

Через час Лёня уже сидел в кресле, обитом голубым шёлком, перед дверью с табличкой: «Учёный секретарь президиума Всероссийской академии художеств В. Серов». Потом молоденькая тётенька сказала:

— Мальчик, пройди сюда. Художник Серов скоро будет.

Лёня очутился в огромном круглом зале, да так и застыл. Откуда-то сверху лился мягкий дневной свет. На потолке, как в воздухе, парúли необыкновенной красоты фигуры в лёгких разноцветных одеждах. На стенах висели потемневшие от времени картины. Рассматривая их, Лёнька и не заметил, как в зал вошёл плотный седой человек.

— Ты ко мне, мальчик?

Лёнька, с опаской ступая по натёртому паркету, подошёл к столу. Да так неловко: зацепился за что-то, альбом выронил. Листы разлетелись по ковру.

— Ну и задал же ты мне работу, — сказал человек, поднимая с пола рисунки и рассматривая их. — Это кто же рисовал? Недурно. Прямо надо сказать — недурно. Товарищ твой или брат? Что ж сам-то прийти постеснялся? Напрасно. Совершенно напрасно. Ему учиться надо, так и передай. И пусть сам заходит. Непременно.

— А это я!

— Как ты?

— Я и есть... Вот, рисую...

Учёный секретарь растерялся:

— Как, ты рисуешь? Не может быть!

— А у вас карандаши есть? Хотите, я вам покажу? — Лёнькин голос звучал уже твёрдо и уверенно. Получив карандаш, он прицелился глазами в массивную бронзовую чернильницу с замысловатым узором из листьев и ягод и принялся за работу. Через четверть часа рисунок был готов. — Вот, смотрите!

— Н-да, действительно... Поди ж ты... В первый раз

встречаю такое. — Но всё же в голосе Серова прозвучали нотки сомнения. — Ты хочешь быть именно художником?

— Да.

— Это очень трудно. Даже и для здорового человека.

— Знаю. Вы мне только подскажите, куда податься, а я добьюсь. Честное слово, добьюсь! А то мне никто не верит, все говорят: невозможно. Только бы к экзаменам допустили...

Владимир Александрович взял листок бумаги и написал: «Директору Ленинградского Таврического художественного училища. Прошу допустить до экзаменов. Случай исключительный. Серов».

Как на крыльях, летел Лёнька к остановке трамвая. Не помнит, как добрался до училища, как нашёл директора.

— Ну что ж, молодой человек, раз такое дело, идите сдавайте документы. Аттестат за семилетку при вас?

...Вот как бывает в жизни. Казалось, ещё немного — и цель достигнута! И вдруг всё рушится... Вот когда пожалел Лёнька, что отступил перед запятыми, бросил школу, смалодушничал.

В ту зиму не видели на улице Лёньки Птицына. Допоздна горела в его избе лампа. То Анютка ему диктует диктовки, то он с Валентиной Ивановной задачки решает, то с Никандром Михайловичем историю штудирует. Похудел Лёнька. Один нос с горбинкой остался. Эх, запятые, запятые...

В БОЛЬШОМ светлом классе стоят мольберты. За длинным столом расположились члены экзаменационной комиссии. Идёт экзамен по композиции. Нужно нарисовать какую-нибудь сценку, чтобы на картинке несколько человек было. Кто-то усиленно стирает неверную линию белым мякишем, кто-то стоит задумавшись.

На экзаменационных листах у ребят вместо фамилий номера поставлены. Это чтобы члены комиссии не знали, чей рисунок они обсуждают. Для объективности, значит.

У Лёни на листе в кружке десятый номер нарисован. Лёня то близко к мольберту подойдёт, то назад отскочит, посмотреть, как получается. А получается вот что: ребятишки с мостиков рыбу ловят. Лица напряжённые — за поплавками ребятишки следят. У толстенького картуз на нос съехал. Это соседский Пашка. Пашкины пятки воды касаются, на одной ноге штанина раскаталась, мокнет. Рядом худенький такой стоит, как кузнечик. Ветер волосы на макушке его торчком поднял. Это Сашка, зоотехника сын. Подальше на речке утки плавают, ныряют за лягушками. Вспомнил Лёня родную деревню — про экзамены забыл. Знай рисует!

Бок о бок с Лёней девчонка работает — Неля. Пальцы у Нели тонкие, длинные, рисуют уверенно, быстро. Говорят, какой-то знаменитый художник сказал, что живописцу, как музыканту, пальцы надо с ранне-

го детства тренировать, чтобы гибкие были да послушные...

В конце недели на доске вывесили списки, прошедших по конкурсу. В третьей колонке, в первой строке, было написано: «Птицын Леонид Васильевич».

СМОТРЯТ в небо голубые глаза озёр. Быстрая река Сороть извивается между холмами. Зеленеют поля. Сюда, в родные края, Лёня приезжает на практику. От его Кудевери рукой подать до Пушкинских Гор, а там рисовать — лучше места не придумаешь. Кажется, сама природа здесь дышит поэзией. С альбомом и этюдником бродит Лёня по берёзовой аллее, рисует любимые уголки Александра Сергеевича Пушкина.

Звонкие лесные ручьи несут свои воды в пруды. Ивы полощут в них свои серебристые косы. Вода, как по ступенькам, бежит из одного пруда в другой, а потом всё ниже и ниже — в Сороть. Тихо. Только шмели жужжат, качаясь на тонконогих цветках.

...Приветствую тебя,
пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов
и вдохновенья!..

Как передать всё это в рисунке? Как сделать, чтобы у каждого, кто посмотрит, забилось сердце и сразу стало понятным, что это родное, пушкинское?

Часами сидит Лёня под старым развесистым клёном. Свою дипломную работу он посвятил Пушкину.

Никандр Михайлович рассказывал, как фашисты заминировали могилу поэта, пытались её взорвать, как сражались наши солдаты за эти дорогие каждому русскому сердцу места. Знает Лёня, как в те дни боёв один солдат-артиллерист подошёл к командиру и сказал: «Товарищ командир, впереди — Пушкин. Стрелять нельзя! Может, обойдёмся

как-нибудь без артподготовки?..» — И, как ни тяжелы были бои, советские артиллеристы не выпустили по району Святогорского монастыря, где похоронен поэт, ни одного снаряда.

На картине у Лёни над мраморным памятником шумят старые липы. Памятник обит досками. Рядом — погнутая ограда. Около ограды стоит солдат с миноискателем. Другой что-то ищет в земле. Лицо его напряжено, волосы прилипли ко лбу. Уж кто-кто, а Лёня-то знает, какого напряжения стóят эти минуты!

Может быть, именно поэтому картина получилась такой взволнованной и правдивой. Педагоги и товарищи хвалили Лёню. За дипломную работу ему поставили пятёрку.

Ну, теперь — в академию!

И СНОВА встречает Лёню старое здание с колоннами на берегу Невы. Словно в почётном карауле, замерли сфинксы. Всё так легко, так хорошо, и вдруг...

В списках допущенных к экзаменам в Институт имени Репина Академии художеств фамилии «Птицын» не оказалось. Как? Почему?

— По заключению врачей медицинской комиссии, — сухо, словно извиняясь в чём-то, ответил секретарь.

Вот и всё. Оборвалась у человека мечта. Второй раз в жизни закачалась под Лёней земля и стало падать небо.

По заключению врачей, не может человек быть художником, если он без рук... А Маресьев мог? А Николай Островский? А тот парень, что без ног трактор водил? Человек всё может, если очень хочет! Не могут не принять, не имеют права! Вот когда захотелось Лёньке сжать кулаки.

...В кабинете ректора института сидит главный врач, председатель медицинской комиссии:

— Как хотите, а допустить Птицына к экзаменам я не могу. Наш долг вовремя остановить человека. Допустим, он всё-таки пройдёт по конкурсу, во что я, прямо надо сказать, не верю. Но — допустим. А потом что? Ведь это выбор профессии на всю жизнь! В его-то положении суметь приобрести необходимое мастерство, технику!

— Но у него законченное среднее художественное образование, — настаивает ректор. — К тому же его рекомендуют как очень упорного, работоспособного юношу. С этим нельзя не считаться.

— Двести лет существует это учебное заведение, а такого ещё не бывало!

— И всё-таки я считаю нужным допустить Птицына к экзаменам. Буду просить и вас сделать исключение.

— Хорошо, сдаюсь... Только увидите: из этого ничего хорошего не получится...

ПОЛУЧИЛОСЬ! Ошибся старый доктор. Лёня выдержал экзамены. Выдержал, как всё в жизни.

Удивительно жизнерадостного, трудолюбивого и общительного студента полюбили все — и товарищи, и педагоги. Он не требовал себе скидки ни в чём, работал упорно, много. Когда Птицын писал, ему приходилось после каждого мазка отходить от картины, чтобы взглянуть, как получается. Это отнимало лишние минуты, и тогда он придумал «усовершенствование»: на конец длинной палки привязал кисть и так писал маслом.

Летом студенты уехали в Крым на практику. Укрепив белый гриб-зонт, Лёня сидел на горячих камнях и самозабвенно рисовал море, горы, корабли и загорелых ребятишек. Он раньше всех начинал работать и уходил позднее всех, когда тени набегали на серые камни и море из голубого становилось зелёным. Часто он забывал о еде. Бутылка кефира, спрятанная в воде у камней, так и оставалась нетронутой за весь день.

Как-то Лёне захотелось нарисовать подводное царство. Он взял у мальчишек маску и ласты и долго плавал в таинственной зелёной глубине, наблюдая, как колышутся сиреневые водоросли и скользят стайки золотых рыбок. Мальчишки ловили для Лёни крабов, доставали ракушки и целыми днями толпились за его спиной, с восхищением наблюдая за работой художника. Потом он рисовал их, загорелых до черноты и чем-то похожих на Лёньку Птицына в детстве.

Прошло ещё шесть лет. Снова экзамен. Круглый зал в институте имени Репина полон народу. Здесь сегодня собрались все: преподаватели, студенты, родные и знакомые. Пришли «болеть» за своих выпускников и преподаватели Таврического художественного училища.

За длинный стол садится государственная комиссия, известные всей стране художники: Непринцев, Иогансон, Орешников, Мыльников, Королёв. Посредине зала на мольберте стоит картина.

Жарко горит огонь в кузнице, кажется, что пахнет раскалённым металлом. В кузницу вошёл солдат. Сбросив шинель на руку мальчишке, он с наслаждением закатывает рукава гимнастёрки. На его крупных, сильных руках вздулись и пульсируют голубые жилки. В картине особенно выразительны руки, — руки бойца и труженика.

Рядом с картиной стоит художник. Быстрый, широкоплечий, с весёлыми смеющимися глазами. Сейчас он очень волнуется, даже голос его прерывается от волнения.

Слово берёт член государственной комиссии художник Королёв.

— Товарищи! — говорит художник, и вдруг все замечают, что на глазах его слёзы. — Я очень взволнован сегодня и не стыжусь этого. Перед вами картина человека, которого привёл сюда огромный упорный, героический труд. Я знаю Лёню Птицына ещё с того времени, когда он учился в

художественном училище, слежу, как развивается его талант, как он много и упорно работает. Смотрю я на его картину и думаю: любая мечта подвластна человеку, любое дело покорится ему, если человек этого очень захочет. Пример Лёни Птицына вдохновляет и нас. Хочется работать ещё упорнее, ещё лучше, ещё сильнее любить своё дело. Спасибо тебе, Леонид Васильевич, за труд твой, за твою картину. Считаю, что товарищ Птицын достоин почетного звания художника.

Гром аплодисментов прокатился по залу.

Вот и весь рассказ о мужестве, упорстве, о верности своей мечте. Лёня Птицын стал настоящим художником. Но это только начало. Впереди большой и тяжёлый путь — в искусство.

Н. Егоров

Я без дела не сижу

Я без дела не сижу:
Я сижу,
В окно гляжу.
Дождь идёт.
Крадётся лужа
Дому новому под бок.
И торчит в ней неуклюже
Наш детсадовский грибок.
Взял я чистую тетрадь,
Стал картинки рисовать.
Дом на взгорке я поставил
С деревцами у окна.
Солнце красное заставил
Лужу высушить до дна.
Вместо лужи будет сад,
Вместо грязи — виноград.
Я без дела не сижу:
Двор в порядок привожу.

Рис. Ю. Шабанова

ПОЛУЧИЛОСЬ так, что школьник Илья Дворкин писал очень серьёзные «взрослые» стихи, а когда вырос и стал по-настоящему взрослым — начал писать для школьников! Наверное, с годами к поэту пришло убеждение, что самый замечательный народ — это ребята. Да и не успел он ещё забыть своих недавних школьных лет. Поэтому-то и стихи у него такие ребячьи: озорные, задорные, жизнерадостные!

Всё у Ильи Дворкина молодое. На работе он — молодой инженер-строитель. В стихах — молодой поэт. А первая его книжка «Капитаны» ещё и не выходила. Она появится в следующем году.

Илья Дворкин

Рисунки Г. Ясинского

Фуражка

Щёткой жёсткой и колючей
Каждый день по вечерам
Чищу я её получше,
Чищу только лично сам.

А висит она в прихожей
Рядом с маминым платком,
На военную похожа
Козырьком и ремешком.

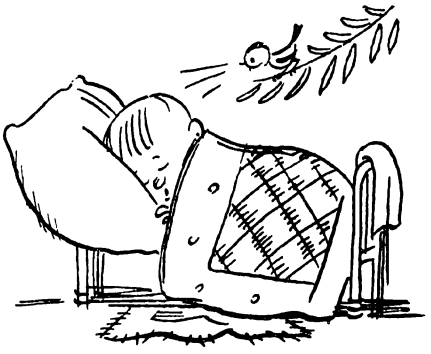
И пускай он знает, Сашка:
На него я очень зол
И не дам своей фуражкой
Никому играть в футбол.

Не дружу я больше с Сашкой,
Не даю ему пенал.
Он мне плюнул на фуражку
И ногой её пинал.

Я ему, конечно, тоже
На портфель налил чернил,
Но портфель из гладкой кожи —
Сашка кляксу быстро смыл.

А фуражка — с кантом белым
И блестящим козырьком,
И с большим, натёртым мелом,
Замечательным гербом.

Стихи для сонь



«Тик-так! — стучат часы. —
Тик-тик», —
В рассветной тишине,
И время быстрое летит,
Как всадник на коне.
«Тик-тик, — стучат часы, —
тик-так».
Ты много видел зорь?
Не спи, вставай скорей, чудак,
И выходи во двор.
А видел ты когда-нибудь,
Как солнце пьёт росу?
А слышал, как чижи поют
В берёзовом лесу?

Как пахнет земляникой пень
Под солнечным лучом?
Как в мир вступает новый день
На радуге верхом?
Не спи, не спи, проснись,
проснись!
В лучах блестит река,
И, уходя в крутую высь,
Пылают облака.
«Тик-тик, тик-так», — стучат часы.
Секунды шелестят,
И стрелок чёрные усы
Растерянно торчат.

Огонь

Накормите обжору,
Накормите огонь.
Скачет бодро и скоро
Заколдованный конь.
Вьётся грива игриво,
Под копытами треск.
Мчится прямо и криво
Через колотый лес.
И в сиреневой пасти
Полыхает язык.
Топот слышится частый,
Слышен радостный крик.
А потом присмиреет,
Притворится ручным.
И ладошки согреет,
И потянется к ним.

Попугай

В золочёной клетке,
Настоящий,
Попугай на ветке
Говорящий.
Я на лбу наморщил
Кожу.
Я ему состроил
Рожу:
— Попугай-попка,
Глуп, как пробка! —
Я кричу,
А он молчит!
Я скачу,
А он молчит!
И на все мои старанья —
Ноль вниманья,
Ноль вниманья.
Будто он меня умнее,
Будто я его глупее...

Ловля раков

Коряги чёрные на дне
В озёрном синем мраке.
Там в подводной тишине
Живут большие раки.
Торчат усы из ила —
В усах у раков сила.

Гляжу: плывёт у дна малёк
С бычком пятнистым рядом.
Рак за камешком залёг, —
Ему обедать надо.
Шевелит, как кот, усами,
На малька косит глазами.

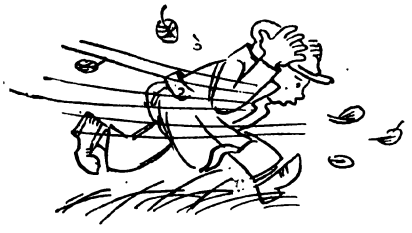
Плыть тому бы стороной,
А не к раку в гости.
Цапнет рак его клешнёй
За прозрачный хвостик.
Вдруг малька спугнуло что-то.
Эх! Испортилась охота.

Завертелся рак с досады,
Не заметил рак того,
Что сачок мой тихо сзади
С головой накрыл его.
Он теперь в тазу живёт,
Ходит задом наперёд.

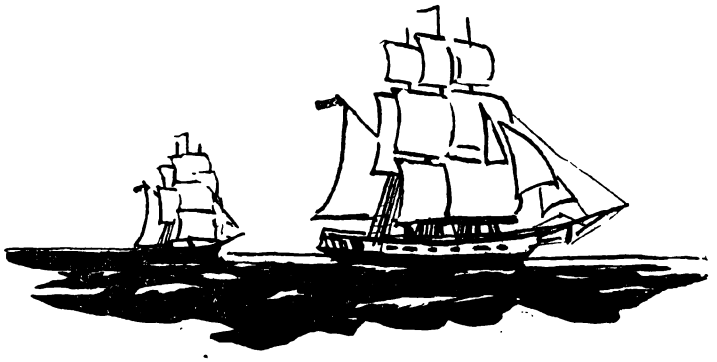
Ветер

В водосточную трубу
Ветер дул,
Надув губу:
«Бу-бу-бу,
Ру-ру-ру».
Ветки гнутся на ветру.
Скачет ветер-хулиган,
В крышу бьёт,
Как в барабан!

Машет синим рукавом —
Вверх, вниз!
Листья в небо —
Кувырком!
Расступись!
Разойдись
С дороги!
Уносите ноги!



С. Бузо *Рисунки В. Адаева*



Проделки Нептуна

Это было в 1819 году.

Прославленная экспедиция русского флота в Антарктику на шлюпах «Восток» и «Мирный» пересекла экватор.

Матрос первой статьи Кондратий Борисов изображал бога морей Нептуна. На голове у него красовалась корона из фольги, в руках топорщился трезубец.

Поглаживая ниспадавшую волнами на грудь пеньковую бороду, Нептун оглядывал столпившихся вокруг моряков и вопрошал низким голосом:

— А скажите, люди добрые, кто вы и по какому праву следуете в моё царство?

Бойкий на язык бомбардир Леонтий Маркелов, выступив вперёд, сыпал скороговоркой:

— Матросы мы русские, в бою нетруские, крестьяне казанские, калуцкие, рязанские, вятские, псковские, олонецкие, московские по приказу батюшки-царя идём шарить окияны и моря.

— Конь и медуза, хватайте матросов за пузо, водой из окияна крестите досыта и рьяно! — воскликнул морской бог.

Помощники Нептуна Матвей Губин в маске морского конька и Василий Краснопевов в маске медузы черпали котелками воду из бочки и обильно поливали ею моряков.

После Нептунова действа матросам выдали по чарке водки. Федот Разгуляев, Иван Яренгин и Пётр Палицын слили содержимое своих чарок в бутылку, закупорили и, привязав к лоту, опустили за борт — остудиться. От подштурмана Шеркунова они слышали, что вода в глубине холодная, как лёд.

В ожидании дружки уселись и закурили трубки.

— А здóрово Кондратка представил Нептуна, — тряхнул головой Разгуляев. — Меня аж мороз пробрал, когда он заговорил... Как вы думаете, братцы, всамделе Нептуна сидит в окияне али это выдумки?

— Выдумки! — пустил клуб дыма Яренгин. — Никакого Нептуна нет.

— Зря гневишь нечистого, Ванюха, — возразил Палицын. — Коли б не было, о нём бы не говорили. А то и говорят и рисуют. А Кондратка, вишь, даже представил...

— Чудны́е дела на свете! — по-

чесал макушку Разгуляев. — Нигде без нечистого не обойтись... А Нептуну можно задобрить?

— Можно. Подштурман Шеркунов баил, что греки, когда окиян взбунтуется, бросают Нептуне амфору — по-нашему кувшин — с маслом. Значит, чтобы он успокоился. И, случается, помогает...

На палубе запахло щами.

— Может, пора поднимать? — покосился в сторону камбуза Разгуляев. — Похоже, что обед скоро будет.

Палицын сунул в карман трубку и, подойдя к борту, стал выбирать лотлинь. Приятели наклонились над бортом, вглядываясь в тёмную пучину. Показалась бутылка. Палицын отвязал её и передал Разгуляеву.

— Холодная! — произнёс довольный Разгуляев. — А что такое, братцы?

Бутылка была заполнена по самую пробку, а пробка перевернулась: облитый сургучом её конец оказался внутри.

Дружки в недоумении пожали плечами.

Разгуляев пропихнул пробку вглубь и отхлебнул.

— Тьфу, чёрт, — сплюнул он. — Морская вода! Попробуйте.

Матросы приложились к бутылке.

— Чудеса! — проговорил Яренгин, утирая рукавом усы. — Куда же девалось наше питьё?

— Куда? — шёпотом переспросил Палицын. — Нешто не знаешь? Нептуна выпил!

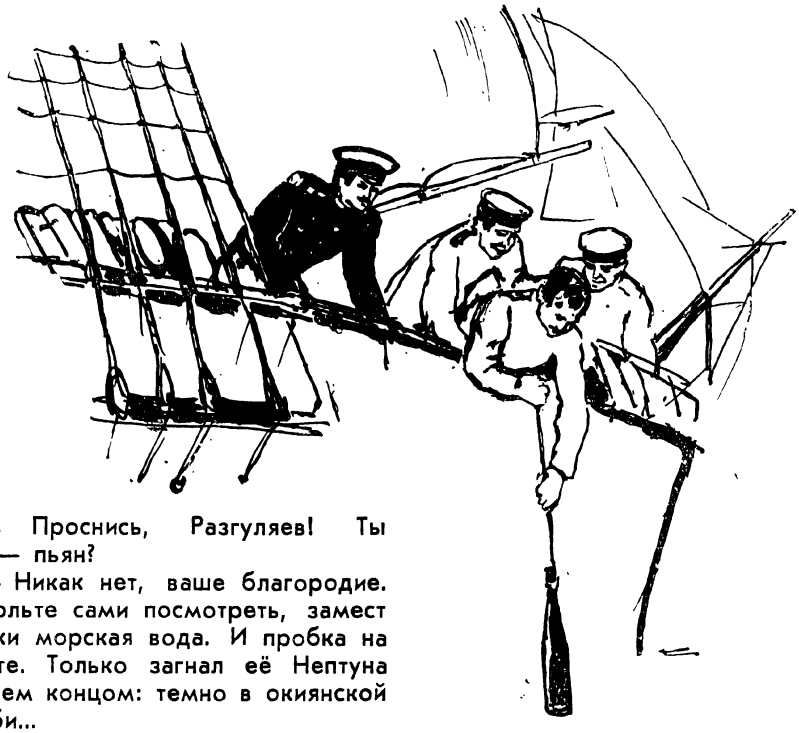
— Ты что — рехнулся?

— А кто ж, по-твоему? Кто мог это сделать в хляби? Ясно дело — он!

На палубе появился подштурман Шеркунов.

— Что случилось? — окинул он взглядом смущённых матросов. — Почему здесь лот, бутылка?

— Дозвольте доложить, ваше благородие, — вытянулся Разгуляев. — Мы, значит, питьё хотели остудить, послали, значит, бутылку в окиянскую хлябь, а Нептуна выпил...



— Проснись, Разгуляев! Ты что — пьян?

— Никак нет, ваше благородие. Извольте сами посмотреть, замест водки морская вода. И пробка на месте. Только загнал её Нептуна не тем концом: темно в окиянской хляби...

— А не лжёте вы?

— Провалиться на этом месте!..

Шеркунов задумался.

— Хм. Сие дело зело важное, — сказал он. — Разгуляев, принеси ещё штоф водки.

Бутылку привязали к лоту и опустили за борт. Вернулась она полная морской воды, с перевёрнутой сургучом вниз пробкой.

— Да, — покачал головой Шеркунов, — об этом надо немедля доложить командиру.

После обеда командир шлюпа задержал в кают-компании офицеров и прикомандированных к экспедиции академиков.

— Господа, — сказал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, — матросами открыт в океане доселе неведомый феномен. Изъяснение оного может повести к важным обретениям, значение коих трудно заранее представить. Пожалуйста, господин подштурман, доложите собранию, чему вы были свидетелем.

Шеркунов поставил на стол бутылку, которая только что путешествовала в пучину океана, и рассказал о всех перипетиях с нею. Бутылка заходила по рукам. Её встряхивали, рассматривали на свет и молча водворяли на место.

— Что вы скажете, господа, относительно сего феномена? — поднялся Беллинсгаузен. — Или примем сказку матросов, что сие проделки Нептуна?

Офицеры развели руками.

— Сие, — откашлявшись сказал иеромонах Дионисий, — не что иное, как козни диавола...

— Благодарю вас, отец Дионисий, — поклонился Беллинсгаузен. — Церковь всегда была светочем духовного знания. А вы что скажете, господа академики?

Профессор Казанского университета, академик Иван Михайлович Симонов поправил манжеты.

— Ответить сразу на этот вопрос, господин капитан, — сказал он, — не представляется возможным: ещё многие законы натуры покрыты мраком. Феномен изрядно интересен. Чтобы изъяснить его, потребно знатное число опытов.

Беллинсгаузен прошёлся по кают-компании.

— Вы правы, Иван Михайлович, — согласился он. — Наука не терпит скороспелых выводов. Добре! Будем ждать, что покажут опыты. Всего хорошего, господа.

В продолжение дальнейшего пути Федот Разгуляев, Иван Яренгин и Пётр Палицын по указанию Симонова опускали в глубину закупоренные бутылки с вином, с маслом, с водой и даже пустые. И каждый раз, если только глубина опускания была не меньше восьмидесяти сажен, бутылки возвращались на палубу заполненные океанской водой до пробки, а пробка оказывалась перевёрнутой сургучом вниз.

Симонов был доволен. Ещё несколько опытов, и он сообщил командиру, что может дать ответ на поставленный вопрос. Беллинсгаузен велел доложить об этом всему личному составу.

Доклад слушался на палубе. Светило яркое солнце; трудолюбивый пассат всей грудью упирался в паруса.

— Господа офицеры и матросы, — начал Симонов. — Вам всем известен феномен с бутылкой, но не все знают причины оного. Из-за этого кое-кто склонен думать, что сие есть проделки Нептуна. Мы произвели многие опыты с бутылками и пришли к выводу, что это не проделки Нептуна, которого вообще нет в натуре, а действие сжимаемости морской воды. Оказывается, морская вода сжимается, как пружина. Правда, не так сильно, но сжимается.

Моряки придвинулись ближе.

— Как же это происходит? — спросил Симонов. — Почему переворачивается пробка? — И сам ответил: — Очень просто! Когда мы опускаем бутылку на большую глубину, вода на этой глубине так сжата верхними слоями, что силою своего давления побеждает упругость воздуха, заключённого в бутылке, и крепость пробки. Воздух в бутылке сжимается, пробка вталкивается в бутылку. Поскольку конец её, облитый сургучом, тяжелее свободного, пробка плавает перевёрнутой. Пока бутылка находится на той глубине, до коей был опущен лот, пробка затыкает горлышко снизу. Когда же лот поднимается, бутылка проходит через менее сжатые слои воды. Сжатая в бутылке вода постепенно расширяется и толкает пробку по горлышку до тех пор, пока она не придёт в равновесие с поверхностной водой.

Офицеры восхищённо переглянулись. По рядам матросов прошёл гул.

— Тише, тише, господа, я ещё не кончил, — поднял руку Симонов. — Ещё одно сообщение. Вопросом о сжимаемости морской воды занимались многие учёные. Иностранцы Мушеброн и Бакан делали такой опыт. Они брали золотой шар, наполняли его водою, крепко закупоривали и подвергали сильному давлению. Видя, что капли воды просачиваются сквозь поры металла, они утверждали, что морская вода не сжимается. Русские матросы своим невольным опытом показали противное. Ура русским матросам, посрамившим иностранных академиков!

— Ура! — крикнула вся масса моряков.

Федот Разгуляев, Иван Яренгин и Пётр Палицын смущённо потупили глаза.

Эмиль Офин

Рисунки П. Вискова

ПОВЕСТЬ

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Симка Воронов, конечно, будет поэтом. Правда, пока ещё стихи у него не очень чтобы очень. Ну, взять хотя бы последние, что он написал:

Сердится мама, ругается папа, —
Им надоело уже,
Что нет меня дома,
Что возле пикапа
Торчу целый день в гараже.

Ясно, эти стихи — так себе, очень уж «приземлённые», как выразился Славка; хотя Нинка Логинова с ним абсолютно несогласна. Всё-таки Симка умеет видеть вещи как-то по-особенному. Вот, например, когда к пикапу привернули оба крыла — выправленных и покрашенных, — Симка сказал:

— Ребята, смотрите! Наш Кузнечик взмахнул крыльями, скоро он запрыгает.

Действительно, ещё совсем недавно пикап представлял собой беспорядочную груду утильного лома. А теперь? Посмотрите только на него!

Крылья сваривал Игорь Соломин. Сначала ему ни за что не хотели этого разрешить. Но он сказал:

— Да вы не бойтесь, Максим Назарович, не прожгу я дырки. Уменьшу подачу газа до предела, присадки дам чуть-чуть — ни одного бугра не получится.

И тут же на куске старого железа Игорь показал, как он всё это проделает; да ещё применил «правую» сварку, при которой, как это известно даже Лере и Нинке, есть опасность пережога; зато качество сварки — куда выше, потому

Продолжение. Начало в «Искорке» № 3—5 за 1963 год.

что хорошо прогревается шов.

— Ты где же это так насобачился? — спросил удивлённый механик.

Игорь, как всегда, промолчал. Но Лера сказала гордо:

— Соломин будет верхолазом. Он из всех нас — самый первый ученик Жансултана Алиева, бригадира из Энергостроя. Может, слышали?

— Конечно. Кто ж в газетах его портрета не видал! — Механик поскрёб в затылке. — Вот дьявольщина!

А электропроводку — всю, от стартера до индукционной катушки, — монтировал Славка. Схему он выучил наизусть.

— Существуют два порядка зажигания на автомобилях с четырёхтактным бензиновым двигателем: «один-три-четыре-два» и «один-два-четыре-три». Это зависит от расположения кулачков на распределительном валу. — Всё это Славка с профессорским видом объяснил Лере.

А Лера сказала:

— Подумаешь! Зато тебе никогда не заштопать обивку на сиденьях в кабине, как сделали мы с Нинкой. — И показала ему язык.

Симка помогал дяде Грише Бубликову собирать рулевую трапецию и всё время важничал:

— Знаете — поперечная тяга, шаровые соединения! Чуть-чуть зазор, и — пожалуйста, авария. Это самое ответственное дело!

А Клим красил. Самозабвенно, с упоением! Никогда ещё в его распоряжении не было столько краски. Свинцовый сурик! Он пылает огнём; не кисть, а прямо факел. Подумаешь, рулевая трапеция — ответственное дело! А покрыть снизу днище кузова — разве не ответственное? Если плохо покрасишь, всё заржавеет. Надо получше окунать в огненный сурик кисть. А когда её вытаскиваешь, она — как голова с рыжими волосами. Клим ожесточённо тычет ею в труднодоступные закоулки под облицовкой радиатора, — вот тебе, вот тебе! Будешь знать, как перебегать улицу... Правда, не очень-то легко было лежать, скрючившись под машиной, — ломит шею, ноют плечи, затекают руки, но, как ни тяжело он дышал, с трудом разгибая спину, улыбка презрения не оставляла его лица.

По радио часто передают, что труд приносит радость. Пожалуй, теперь с этим можно согласиться. Очень уж радостно смотреть на чистого, сверкающего глазами-фарами

Кузнечика, который, можно сказать, сделан заново вот этими ободранными, замасленными руками. Этим рукам уже мало управляться с инструментом; им уже хочется поскорее повернуть направо ключик зажигания, отпустить рычаг тормоза, взяться за руль и повести по залитым солнцем городским улицам автомашину — самую красивую, самую лучшую, самую-самую... Потому что она отремонтирована своими руками. Как же не хотеть прокатиться на ней?!

— Да я вас, ребята, буду катать всё свободное время, — говорит охрипшим голосом Гриша Бубликов. И смотрит на пикап, на пионеров.

На задний двор гаража приходит учительница Инна Андреевна и с нею — старший техник-лейтенант Щепкин.

Инна Андреевна говорит:

— Пожалуйста, Сергей Павлович, проверьте эту машину. И с особой строгостью. Ведь, наверно же, не всё сделано как следует.

Климу на минутку становится страшно: уж очень суровое у Щепкина лицо, да ещё с таким шрамом... Но старшие ребята только весело переглядываются. Пусть Сергей Павлович сколько ему угодно качает рулевые тяги, заглядывает под капот, измеряет давление в шинах, пробует тормоза, — придраться не к чему. Шаровые соединения затянуты и зашплинтованы как положено; у штурвала, при поставленных прямо колесах, ни полградуса люфта; электропроводка надёжно закреплена жестяными скобками, обивка на сиденьях очищена авиационным бензином марки Б-70 и аккуратно зачинена, а топливный бак выкрашен свинцовым суриком целых два раза, — вот!

— Отличная работа, — говорит наконец Щепкин. — Да на такой машине в любую дорогу не страшно.

Но тут, откуда ни возьмись, появляется невоспитанный, бестактный, противный главный механик гаража и сердито приказывает:

— Хватит тебе, Гришка, здесь валандаться. Ты назначен на новую машину. Иди, принимай самосвал.

Как! Дядя Гриша Бубликов больше не будет ездить на Кузнечике? А кто же?..

— Да никто. Этот пикап уже отбегал сверх всех положенных сроков. Мы решили списать его — и крышка! Благо автоинспекция не возражает.

Что? Списать Кузнечика? Такую машину! Самую луч-

шую, самую красивую, самую-самую... Столько дней, столько материалов, краски, столько ссадин на руках — и вдруг списать!..

— Да, списать! — заорал во всю глотку главный механик. — А иначе как же её передать вашей школе, вам, мелюзга? — Тут он посмотрел на учительницу, поперхнулся и начал смущённо рыться в карманах. — Проклятые спички...

Часто мы сталкиваемся с простыми понятиями, которых в общем-то не понимаем. Или, может, понимаем, но как-то боком, «без сердца», как выразилась Лера. А Славка сказал ей, что такие рассуждения

относятся к области философии, и тут обязательно запутаешься.

Действительно, всё это сложно и в то же время просто. Ну кто, например, не читал в газетах или книжках, не слыхал по радио или от Инны Андреевны и даже от папы с мамой, что жизнь требует непрерывного труда? Кажется, всё ясно, всё понимаешь — но опять-таки как-то боком, вроде бы именно тебя это не касается. Старший Лерин брат Федя говорит, что это «прописная истина и риторика в голом виде». Федя — студент Высшего художественного училища, он носит бороду, а за плечами — хлорвиниловый мешок, который почти всегда пустой, потому что, по существу, Феде в нём носить нечего. Зачем он таскает пустой мешок, Лера не может понять. Так же, как не понимает, почему Федя называет себя — Фредом, а пьёт «только чёрный кофе и только без сахара», — ведь это же абсолютно невкусно, бурда какая-то! А мама, которая, с одной стороны, говорит Лере, что жизнь это непрерывный труд, с другой стороны, частенько приносит Феде по утрам прямо в кровать этот самый чёрный кофе. Нинка Логинова уверяет, что, мол, пусть только Симка попробует отпустить себе хотя бы усы. Нинка ему покажет!

А Игорь сказал Лере:

— Конечно, твоему Фреду при его кофейной жизни легко болтать про «голую риторику». А вот попробовал бы он,

как мы, повозиться с Кузнечиком, позаботиться о нём!

И впрямь, с Кузнечиком хлопот полон рот. Разве можно сидеть за партой и спокойно слушать урок, когда знаешь, что на школьном дворе бедный Кузнечик или мокнет под дождём, или жарится на солнце? Или ещё, чего доброго, младшеклассники поцарапают краску и выпустят воздух из камер! Значит, нужен гараж. Опять работа! Ну, хорошо, директор школы написал письмо в мастерские Энергостроя, и железо отпустили. Ну, хорошо, Гриша Бубликов привёз это железо на своём новом самосвале. А строить-то кто будет?

И снова Игорю и Симке пришлось надевать рукавицы и маски сварщиков; остальным ребятам — заниматься планировкой площадки и монтажом узлов, а Климу — красить. Опять синяки и ушибы, опять грязные руки. Зато высунься из окна и увидишь — вот он гараж! Теперь можно отдыхать и радоваться...

Что? Радоваться — да. А отдыхать — как бы не так. Что же, по-вашему, Кузнечик так и будет стоять, закрытый на висячий замок? Надо учиться ездить, да не просто кататься, а, ясно, делать какие-то нужные «барсовские» дела. Опять работа!

— Какая-то цепная реакция, — сказал Славка. — Получается, как написано в одной книге, «вечно в пути, но всюду, как дома».

Славка всегда скажет что-нибудь сверхумное. Ну ладно, «вечно в пути» — это подходит. Но при чём здесь «всюду, как дома» — этого никто из ребят не смог понять, а тем более — Клим. Зато все, кажется, начали понимать, что такое — «жизнь требует непрерывного труда». Понимать не «голо риторически», не как-то боком, а действительно помятыми боками, исцарапанными руками, хлопотами и тревогами.

Да, именно тревогами. Потому что теперь пионеры столкнулись с вопросами, которые невозможно было разрешить просто так — в классе или на школьном дворе.

ОПАСНЫЙ УЧАСТОК

Школьный двор ограничен с трёх сторон домами, с четвёртой — глухой кирпичной стеной. Двор — чистый и красивый, но он не всегда был таким. Когда однажды, в памятный день первого сентября, Игорь пришёл в школу, он и его мама с трудом пробрались через этот двор. В классах уже начались занятия, а снаружи маляры ещё докрашивали стены; повсюду валялись перемазанные в извести доски, битый кирпич, стояли бадьи с раствором, возвышались холмики строительного мусора.

С тех пор прошло восемь первых сентябрей, и теперь уже не то, что было. Теперь в центре двора — фонтан и в нём плавают разноцветные рыбки с хвостами, похожими на стабилизаторы ракет; этих рыб выпускают сюда летом школьные

юннаты, а осенью переводят их обратно в аквариум. Струи фонтана сверкают на солнце, шелестят. А ещё шелестят на ветру листья молоденьких тополей. Их с каждым годом становится всё больше, потому что в школе есть обычай (кто его установил — неизвестно; возможно, директор, а может, кто-то из учеников): каждый выпускник, уходя из школы, сажает дерево и поручает заботу о нём тому, кто пришёл в последний класс за его парту. Вдоль глухой стены разместился Спортивный городок — название немножко громкое: ведь в городке только площадка для игры в «городки», качели для младшеклассников и пионерская линейка — то есть мачта с флагом.

Но вот теперь здесь прибавился ещё и гараж. Ребята выкрасили его под художественным руководством Клима в светло-зелёный цвет, рядом вкопали в землю одноногий столик, и в первое же воскресенье устроили первое заседание Барсовского клуба.

— Мы в безвыходном положении, мальчики! — сказала Нинка и постучала по свежеоструганному столу карандашом (её выбрали председателем). — Ну, что ты, Симка, хочешь сказать? Что́, не в безвыходном, да?

— Ну да — нет! Нам надо пойти в автошколу, к старому учителю Ивану Алексеевичу, вот!

— Открыл Америку! — сказал Игорь. — Думаешь, я не узнавал? На курсы шофёров, кому нет восемнадцати, не принимают. И права́ не выдают.

— Это несправедливо, — сказала Лера.

— Таков порядок, — сказал Славка.

А Клим ничего не сказал. Что́ ему говорить, когда даже Славке не дадут права́, — такому умному, а главное — длинноногому! У Клима ноги только чуть-чуть достают до педалей, и то если он садится на самый краешек сиденья.

Тут на школьном дворе появилась Инна Андреевна. В этот тёплый воскресный день она оделась совсем по-летнему; вместо всегдашнего коричневого платья на ней была шёлковая кофточка-безрукавка и полотняная юбка колоколом, а на ногах синие сандалеты. Ростом Инна Андреевна едва достает Славке до плеча, и если б у неё не были немножко подкрашены губы, никто бы и не сказал, что это учительница, — просто старшеклассница, вроде Леры или Нинки.

— Да что вы, ребята, встали, как на уроке? Здравствуйте и садитесь. И скажите, почему в такое чудесное утро вы повесили носы? Особенно разнесчастный вид у Клима.

Сама Инна Андреевна улыбалась. Ей-то хорошо: ей давно исполнилось восемнадцать, а Климу надо ждать ещё целых шесть лет и четыре месяца.

— Мы всё Кузнечика обсуждаем, — сказала Нинка-председатель и постучала карандашом по столу. — Тут даже Сер-

гей Павлович не в силах нам помочь!

Инна Андреевна опять улыбнулась, на этот раз — загадочно:

— А я знаю историю шрама.

Пионеры насторожились. Симка заёрзал на скамейке, Славка перестал грызть ноготь большого пальца, а Клим даже пошевелил ушами.

Инна Андреевна помедлила немного; сначала взглянула на свои ручные часы, потом достала из сумочки газету и развернула её. С напечатанной фотографии на пионеров смотрел Щепкин — такой знакомый, весёлый, и на лице у него никакого шрама нет. А где же шрам?

— Шрама тогда ещё не было. Это давнишняя газета. Мне сказали о ней в парткоме управления милиции. Ну я и разыскала этот номер в старой подшивке. — Инна Андреевна опять взглянула на часы. — Хотите почитать?

Вот вопрос! Ещё бы не хотеть. Все так и потянулись к газете, но учительница отдала её Лере:

— Ты читаешь вслух лучше всех нас.

Лера взяла газету, отодвинулась от стола и принялась читать — ну так, как она умеет — выразительно, с чувством:

— «ОПАСНЫЙ УЧАСТОК

Очерк

Сразу же за городской чертой начинается длинная дамба. Она тянется на четыре километра; ширина дороги здесь едва позволяет разойтись встречным машинам, — ни кювета, ни обочины. С одной стороны топкие луга, с другой — болото, постепенно переходящее в залив. Весь участок окаймлён столбиками, выкрашенными в белый цвет, — это облегчает водителям ориентировку ночью и в дождливую или туманную погоду.

Щепкин всегда думал, что на всём шоссе нет опаснее участка. Это его настораживало: он одёргивал китель, поправлял кобуру пистолета и с особенным вниманием следил за проносящимися автомобилями. Сегодня, едва выехав на пост, он сразу же остановил продуктовую машину: ещё издали намётанный глаз Щепкина определил виляние передних колёс. Сопровождавший груз пожилой человек в белой спецовке сердито сказал:

— Нельзя ли покороче, товарищ лейтенант? Мы везём продукты.

Щепкин нагнулся, заглянул под крыло машины:

— Товарищ водитель, вы сегодня перед выездом осматривали ваш автомобиль?

— Да... — неуверенно ответил шофёр. — А что?

— Плохо осматривали. Нет шплинтов на шаровых соединениях рулевой трапеции. Давно так ездите?

— Да знаете, товарищ инспектор, горячее время, всё торопимся... Сегодня же вечером поставлю. Тут дела-то на пять минут.

— Если на пять, так сейчас и сделайте. При мне.

Шофёр пожал плечами, не-

хотя достал плоскогубцы и проволоку. Щепкин подождал, пока он окончит работу, и вернул документы. Спутник шофёра сильно хлопнул дверкой кабины:

— Я этого не оставлю. Молоды ещё бюрократизм разводить. Я до вашего начальства дойду!..

Щепкин с горечью смотрел вслед удаляющейся машине. «Бюрократизм...» Эх, всё-таки многие ещё не понимают, что их беззаботность может вызвать тяжёлые последствия.

Вдали показалась «Победа». Шофёр вел машину с явно недозволенной скоростью. Увидев на шоссе инспектора, он притормозил, но Щепкин заметил этот манёвр, остановил машину и проколол талон.

Водитель враждебно сказал сквозь зубы:

— Делать вам нечего, товарищ лейтенант. Стоите здесь и людям нервы портите. Бездушный вы человек...

Щепкин ничего на это не сказал. Упрямо надвинул на лоб фуражку, сел на свой мотоцикл и двинулся в объезд участка. Накатанный асфальт блестел на солнце, белые столбики быстро неслись навстречу. На другом берегу залива трепетали под ветром красные флаги стадиона; оттуда доносились приглушённые расстоянием звуки духового оркестра.

Подъехав к отделению милиции, расположенному на площади, откуда начиналось шоссе, Щепкин пошёл в дежурную комнату.

— Хорошо, что вы загляну-ли, Сергей Павлович, — сказал дежурный офицер. — Звонил загородный пост, сообщили, что идут два автобуса с пионерами, возвращающимися из лагеря. Просили обеспечить безопасность.

Щепкин кивнул и сразу же вышел на улицу. Около своего мотоцикла он столкнулся с человеком в синем комбинезоне. Человек этот был крайне взволнован.

— Товарищ лейтенант! — закричал он. — Скорее, скорее! Нужно догнать вон ту машину...

Далеко на набережной виднелась быстро уменьшающая чёрная точка.

— Я шофёр... Я виноват, остановился у ларька выпить воды и не выключил мотор. Откуда ни возьмись, какой-то гад... Вскочил в кабину и погнал!..

Конец фразы едва долетел до ушей Щепкина: он толкнул педаль стартера и прыгнул в седло. Площадь вместе с шофёром качнулась и улетела назад, встречный ветер ударил в целлулоидный козырёк мотоцикла; деревья, растущие по краям дороги, превратились в сплошной зелёный коридор...

Набережная кончилась. В этом месте шоссе плавно закруглялось. Не снижая скорости, Щепкин вышел на вираж; глядя на чёрный несущийся асфальт, невольно подумал: „Если бы асфальт был мокрым, это был бы последний вираж в моей жизни..."»

Лера перевела дыханье, кашлянула. В наступившей тишине Клим спросил шёпотом:

— Он его догонит, Игорь?

Игорь не ответил. Лера продолжала чтение:

— «...Грузовик он настиг у начала дамбы. Это был самосвал, нагружённый песком. Чтобы уравнять движение, Щепкин снизил скорость, и всё же она продолжала оставаться огромной. Щепкин сразу понял, что ни справа, ни слева подходить к самосвалу нельзя: водитель может заметить его и прижать к столбикам. Значит, оставался только один путь — сзади. Но и этот выход был крайне опасен: нужно подойти к автомобилю постепенно, со скоростью, превышающей его скорость на почти неуловимую долю времени; только в этом случае могла произойти пересадка. Риск был велик, но выбора не оставалось, и Щепкин дал газ.

Интервал сокращался убийственно медленно. Щепкин видел только бешено вращающиеся задние колёса грузовика; они неуклонно приближались. Если бы неизвестный вздумал уменьшить скорость, Щепкина расплющило бы о задний борт.

Наконец переднее колесо мотоцикла вошло под кузов самосвала. Единственный возможный момент наступил. Щепкин бросил руль, выпрямился во весь рост и уцепился за борт. Где-то позади раздался скрежет искалеченного мотоцикла. В следующее мгновенье Щепкин уже лежал в кузове самосвала и судорожно ловил ртом воздух.

Вот он подполз к кабине, заглянул в заднее окошко. Водитель сидел, согнувшись над рулевым колесом. Щепкин видел его всклокоченные волосы и сутулую спину... А далеко впереди плыли навстречу один за другим два автобуса, — длинные, голубовато-белые, они блестели в ярких лучах солнца.

Щепкин машинально подсчитал вес автомобилей, их встречную скорость и мысленно представил себе силу удара, который может произойти меньше чем через две минуты. Он расстегнул кобуру и спрыгнул на подножку. Боковое стекло было опущено. Щепкин приказал:

— Взять вправо, остановить машину.

Револьвер не произвёл никакого впечатления; широко раскрытые оловянные глаза на мгновенье глянули на лейтенанта; в лицо пахну́ло удушливым винным перегаром.

Щепкин просунул левую руку в окно и ухватился за рулевое колесо, пытаясь направить машину по краю дороги. Водитель не уступал.

— Пусти руль, бандит! — закричал Щепкин и ударил его пистолетом по голове.

Шофёр выпустил руль. Но было уже поздно: в нескольких метрах перед собой Щепкин увидел перекошенное ужасом лицо водителя автобуса.

Решение пришло раньше, чем Щепкин успел осознать его. Он резко вывернул руль. Автобус мгновенно исчез. Последнее, что увидел лейтенант, были белые столбики, брызгами разлетевшиеся в стороны, и красные, трепещущие на ветру флаги стадиона на той стороне залива...»

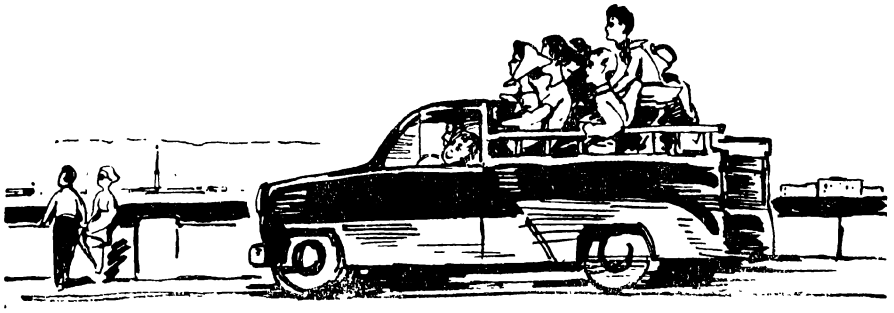
Лерин голос дрогнул и оборвался. Карандаш, выпав из Нинкиной руки, тихо стукнул по столу.

— Как... Неужели всё?

Симка вытянул шею, заглянул через Лерино плечо:

— Ну читай же! Читай дальше!

— Здесь осталось всего несколько строчек, ребята, — сказала Лера и тихо прочла эти строчки:



— «...Сразу же за городской чертой начинается длинная дамба. Она протянулась на четыре километра; ширина проезжей части здесь едва позволяет разойтись встречным автомобилям. Водители, въезжая на этот участок, снижают скорость. Ночью фонари проходящих машин выхватывают из тьмы силуэт мотоцикла и рядом одинокую фигуру офицера. Порой беззаботный водитель, нарушивший правила, уже готов наговорить ему злых, резких слов, но, рассмотрев молодое, пересеченное глубоким шрамом лицо старшего лейтенанта милиции, смущённо умолкает...»

Умолкла и Лера. Ребята сидели тихо, только Клим почему-то стоял; его губы и маленькие кулаки были крепко сжаты. Учительница больше не улыбалась. Она хотела что-то сказать, но вместо этого вдруг приложила палец к губам, взяла со стола газету и быстро убрала её в сумку.

От фонтана к гаражу шёл высокий человек в светлых брюках и клетчатой рубашке с короткими рукавами. Человек шагал размашисто и упруго; сразу можно было понять, что он привык ходить на большие расстояния. Его мускулистые руки были загорелыми, лицо — коричневым; и его нисколечко не портил глубокий белый шрам. Наоборот...

— Здравствуйте, друзья, — сказал Щепкин и смутился: уж как-то очень пристально смотрели на него пионеры и встали зачем-то, как в классе, когда приходит учитель. — Извините, Инна Андреевна, за опозданье. Пешком добирался...

Неожиданно Клим рванулся к Щепкину, схватил его за руку:

— Сергей Павлович!.. Сергей Павлович, я никогда не буду пить водку и нарушать правила движения!..

— Ну вот и хорошо, — сказал Щепкин. — Значит, будешь отличным водителем.

— Я буду как вы! Техником-лейтенантом!

Ну как тут не улыбнуться? Все заулыбались. А Инна Андреевна сказала:

— Ребята, у нас ведь сегодня выходной день. У Сергея Павловича тоже. Давайте попросим его, пусть прокатит нас на Кузнечике. — И лукаво посмотрела на Щепкина.

Хитрая Инна Андреевна! Ну

ясно, она заранее сагитировала Сергея Павловича, а сейчас делает вид, что его надо просить.

Конечно, Щепкина просить не пришлось. Он сразу же сказал:

— Слушать меня внимательно! Что́ надо сделать перед выездом из гаража? Отвечайте по порядку. Быстро!

— Проверить масло, — сказал Игорь.

— Воду и бензин, — сказал Славка.

— Рулевое управление, — сказал Симка.

— Тормоза, — сказала Лера.

— Машина должна иметь чистый и опрятный вид, — сказала Нина.

А Климу не осталось, что сказать. Но он подумал немножко и сказал:

— Машина должна быть хорошо покрашена.

— Молодцы! — сказал Щепкин. — Выполняйте...

И вот по широкой солнечной набережной, взлетая на мостиках, уже несётся автомашина — самая лучшая, самая быстроходная, самая красивая! Ровно поёт мотор, шелестят покрышки по асфальту, шелестят деревья на бульваре, шелестит, развевается на ветру косынка Инны Андреевны. Учительница обняла за плечи девочек, а мальчишкам то и дело напоминает: «Держитесь же! Ещё вывалитесь!» Клим сидит рядом с водителем, смотрит на его руки. Эти сильные, загорелые руки спасли целых два автобуса пионеров, не побоялись повернуть руль самосвала тогда, там...

— Сергей Павлович, мы сейчас поедем туда... на опасный участок, правда?

Щепкин скашивает глаза, удивлённо смотрит на Клима. Потом снимает одну руку с руля и дёргает Клима за вихор:

— Вот ещё! Зачем нам на этот участок? Мы поедем в другое место. Там мы...

Хоп!.. Машина подпрыгивает на горбатом мостике, как настоящий кузнечик. Из кузова доносится визг девчонок, а потом — песня:

Скорее в путь,
Смелее в путь, —
Ударит ветер в грудь.
Улыбку взять с собою в путь,
Товарищ, не забудь!
Летят сады навстречу,
И улицы летят.
И прыгает Кузнечик
Коленками назад!

Кузнечик несётся, как стрела, навстречу ветру и сверкающей глади залива. Лера осматривается:

— Инна Андреевна, ребята, глядите-ка: дорога Чемпионов. Да ведь мы приехали на острова!

ДОРОГА ЧЕМПИОНОВ

Наверное, в некоторых городах тоже есть острова, это вполне возможно. Но таких островов, как в Лерином родном городе, нет нигде! Так же, как нигде нет таких белых ночей; недаром же их красоту отметил ещё А. С. Пушкин в сво-

ём произведении «Медный всадник». Славка говорит, что островов — сто один, а мостов свыше трехсот пятидесяти. Впрочем, дело не в количестве. Конечно, не каждому удаётся увидеть (в особенности, если мама и папа заставляют его рано ложиться спать), как разводят в белую ночь, например, Дворцовый мост на Неве. У А. А. Блока в одном стихотворении сказано:

Сожжено и раздвинуто бледное
небо,
И на жёлтой заре — фонари...

Так вот, эти фонари, взлетевшие в высоту на поднятых пролётах моста, чётко выделяются на фоне светлой полоски, которая всё ярче разгорается над заливом, над сто одним островом, над плавучими кранами и силуэтами кораблей; они ещё спят у причалов, а золотой кораблик на Адмиралтейском шпиле — тот уже плывёт по огненному предрассветному небу, задевает за прозрачные облачка. И хочется долго стоять у ещё тёплого с вечера гранитного парапета набережной и слушать протяжные гудки буксиров, смотреть, как они тянут баржи в «раскрытую пасть» моста... Раскрытая пасть — это Симкино образное выражение. Он и Нинка недавно ухитрились отправиться в ЦПКиО на карнавал «Проводы белых ночей». Правда, им обоим за это здóрово всыпали дóма, зато Симка по-настоящему вдохновился и сочинил для Нинки вот какое стихотворение:

По вечерам под Ленинградом
Кипят весельем острова.
И шепчем мы, гуляя рядом,
Друг другу разные слова.

Нинка, ясно, не вытерпела и с гордостью показала это стихотворение всему классу. А Славка сразу же навёл критику:

— Что значит — «разные слова»? Можно чёрт знает что подумать. Поэтический образ должен быть точным. Лучше уж прямо бы написал: нежные.

И тогда Симка признался Нинке, что он с самого начала так и хотел написать, да постеснялся.

Во многих городах, конечно, есть стадионы. Но такого стадиона, как в Лерином родном городе, нет нигде. Очень давно, когда только-только окончилась война и Леры ещё и на свете не было, на Крестовском острове тоже ещё ничего не было. То есть были, конечно, — «Динамо» там, «Пищевик», — но разве это стадионы по сравнению с тем, который выстроили теперь? Лерин инструктор по плаванию рассказывал: пришлось перевернуть миллионы кубометров земли, осушить огромные болота, уложить сотни тысяч тонн асфальта; только одна аллея, которая ведёт через парк к трибунам, прямо к памятнику Кирова, имеет двадцать метров в ширину! Сколько же для неё потребовалось асфальта? Когда Лера впервые шагала по этой аллее со своим чемоданчиком, где лежали резиновая шапочка и купальник, она прозвала эту аллею дорогой Чемпионов.

И пусть это может показаться кому-нибудь смешным — пожалуйста! — но Лера, подойдя к Сергею Мироновичу, дала ему честное пионерское, что будет чемпионом. И вот она уже почти сдержала слово: защитила первый юношеский разряд. Правда, она ещё не чемпион, но добьётся этого! Недаром же в «Советском спорте» написали, что у неё руки и ноги работают, «как гребные винты», а сама она «прошивает волну, как торпеда».

Стадион окружает залив и ещё — «асфальтовые озёра». Это уже выражение Игоря. Так он называет огромные стоянки для автомашин. В дни спортивных праздников и большого футбола здесь полно автомобилей, а в такое утро, как, например, сегодня, стоянки пусты и действительно похожи на озёра, на широкой глади которых зелёный Кузнечик кажется совсем крохотным.

— Зато ему здесь будет привольно прыгать, — сказал Щепкин. — Никто нам не помешает.

И тогда Клим вдруг понял:

— Я знаю! Знаю, Сергей Павлович, зачем вы привезли нас сюда!

Щепкин подмигнул Климу, переглянулся с Инной Андреевной и сказал притихшим пионерам:

— Я думаю, вы уже все догадались, зачем. Начнём с тебя, Игорь. Садись за руль.

Игорь немножко побледнел, но не растерялся. Включил зажигание, потом стартер, потом первую передачу, дал газ и отпустил педаль сцепления...

Кузнечик прыгнул, как настоящий кузнечик. Споткнулся, дёрнулся туда-сюда, и мотор заглох. А Игорь треснулся сначала затылком об заднюю стенку кабины, а потом лбом — об переднее стекло.

— Так не годится, — сказал Щепкин. — Движения водителя должны быть быстрыми, но плавными. Вспомни, как при сварке ты колеблешь кистью руки, когда держишь горелку. Так же мягко надо отпускать ногой педаль сцепления. Попробуем ещё раз.

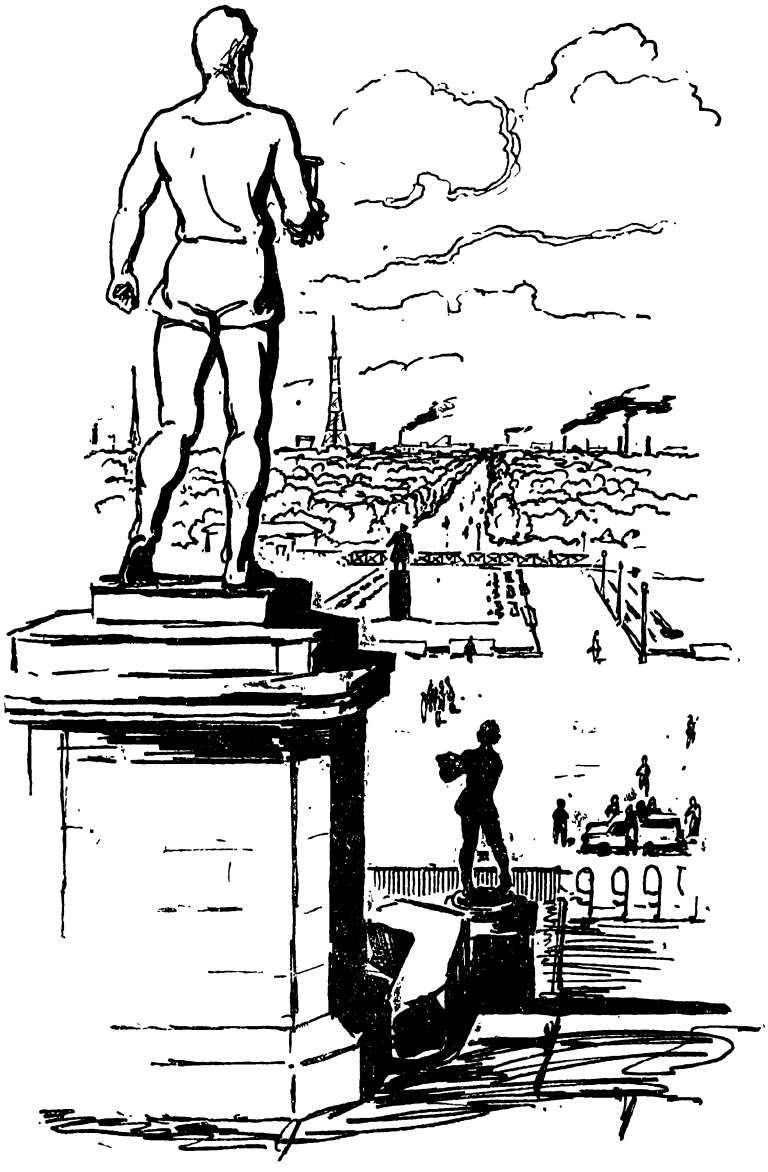
Попробовали. Получилось ничего себе; Игорь самостоятельно объехал целый круг. Потом настала очередь Леры. У той дело сразу пошло; она ловко, без треска переключала передачи, давала в меру газку, Кузнечик охотно её слушался.

— Это потому, что Лера — отличный пловец, — сказал Щепкин, — у неё точные, слаженные движения.

— Это называется — координация, — сказал Славка.

Инна Андреевна одобрительно кивнула первому ученику. И улыбнулась так, будто собралась поставить ему очередную пятёрку.

Впрочем, Славке теория давалась явно лучше практики. Он всё забывал бросать газ, когда тормозил, и бедный Кузнечик дергался и сердито рычал. Славка краснел от злости и грыз ноготь большого пальца, потому что Лера насмешливо косилась на него. Ей-то



что? Ей хорошо с такой координацией!

Клим волновался: вот уж и Нинка отъездила, и Симка... За руль опять садится Игорь. Что же это такое?

— Сергей Павлович! А как же... а когда же я?

Щепкин смутился, но тут же сказал очень серьёзно:

— Ты будешь бортмехаником, Клим. Это самое ответственное дело. Ездить-то каждый может, а вот чинить... Кстати, видишь, у Игоря мотор никак не хочет заводиться. Мотор исправный. В чём же дело, друзья?

Никто не мог сказать, в чём дело. Игорь правильно тащил

на себя рычажок воздушной заслонки, стартер выл, но мотор не заводился.

Тогда Щепкин сказал:

— А ну, втяните-ка носом воздух. Чувствуете, как пахнет бензином! Воздушной заслонкой карбюратора нужно пользоваться только при пуске холодного двигателя. А сейчас двигатель — горячий. Вот и получилась так называемая «богатая смесь». Кузнечик захлебнулся бензином.

— Что же теперь делать? — смущённо спросил Игорь.

— Пусть бортмеханик починит, — сказал Щепкин и кивнул Климу: — Садись в кабину, нажми до отказа педаль газа и включай стартер.

Клим мгновенно устроился на краешек сиденья, дотянулся ногой до педали, потом с бьющимся сердцем включил стартер. Кузнечик дрогнул, зачихал, закашлял и вдруг — о чудо! — заработал хорошо и ровно.

Пусть теперь Игорь ездит, пожалуйста! Клим гордый вылез из кабины.

Но всё-таки быть бортмехаником скучно: Кузнечик больше не портился, и Климу пока что нечем было заняться. Он огляделся и увидел: по соседнему «озеру» кто-то гоняет на мотоцикле. Клим немедленно направился туда.

На асфальте был начерчен мелом большой прямоугольник с двумя точками посередине. Мотоциклист, переваливаясь с боку на бок, старался объезжать эти точки, — получалась восьмёрка.

Клим постоял немножко, посмотрел и крикнул мотоциклисту:

— На черту наехал!

Мотоциклист остановился, растопырив ноги:

— А ты что за указчик нашёлся? Сам вижу, что наехал. — Он снял очки и сдвинул на затылок кожаный шлем.

Да ведь это — Виктор! Виктор, который отдал тогда Климу своё мороженое.

Рыжий Виктор тоже узнал Клима:

— А, это ты, дьявольский моряк? Здоро́во. Что ты здесь делаешь?

— Да я — бортмехаником. Вон они там ездят. Ездить-то каждый может, а вот если что испортится...

— Ого, — удивился Виктор. — Значит, ты разбираешься?

— Ну да, разбираюсь. Воздушной заслонкой карбюратора нужно пользоваться только при пуске холодного двигателя.

— Ого! — повторил Виктор.

— А зачем ты надел очки и шлем, да ещё перчатки? — спросил Клим. — Ведь жарко же.

На это Виктор ничего не ответил. Он сказал:

— Знаешь что? Садись-ка, прокатимся. Заложим парочку настоящих виражей.

Клим немедленно забрался на сиденье позади Виктора, но тут подоспела Инна Андреевна:

— Сейчас же слезь! Ещё свалишься.

— Не беспокойтесь, — ска-

зал Виктор, — не свалится, честное мотоциклетное! Я — опытный водитель, член спортивно-туристской мотосекции. Вот мои права и зачётная книжка.

И хотя Инна Андреевна не просила, Виктор поскорее сунул ей в руки свои документы.

И права и книжка были совсем новенькие. Да и мотоцикл Виктора и его кожаная тужурка тоже были новые, — так и блестели на солнце. Ну как тут не разрешить?

Но Инна Андреевна колебалась:

— Только, пожалуйста, не быстро...

Какое там — не быстро! Виктор пулей вылетел со стоянки на кольцевую дорогу и помчался, «закладывая» крутые виражи.

(Продолжение следует)

Найдите девять водолазов

(Загадочная картинка А. Илючека)

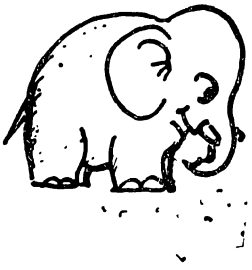
Корабль вечным сном уснул на дне.
И где-то в сумрачной безмолвной глубине
Не видно водолазов девяти...
Но всё-таки попробуй их найти!

Е. Руженцев

Рисунки В. Меньшикова

Поварёнок

Целый день на кухне поварёнок.
Носится по кухне поварёнок.
Варит-варит-варит он обед,
Жарит-жарит-жарит сто котлет.
Ставит сковородки и кастрюли,
Смотрит, чтобы чайник
не столкнули,
Приглашает каждого присесть,
Предлагает каждому поесть.
Чтобы лошадь кушала досыта,
Он овса насыпал в три корыта.
Поклевал из миски воробей,
И наелась хрюшка отрубей.
Даже длинноногого жирафа
Он кормил из ложечки со шкафа.
Даже для котёнка и щенка
Приготовил блюдце молока.
Накормил он цаплю и барана,
Накормил слона и пеликана,
Кости разбросал лохматым
псам...
И забыл покушать только сам.



Творчество ЮНЫХ

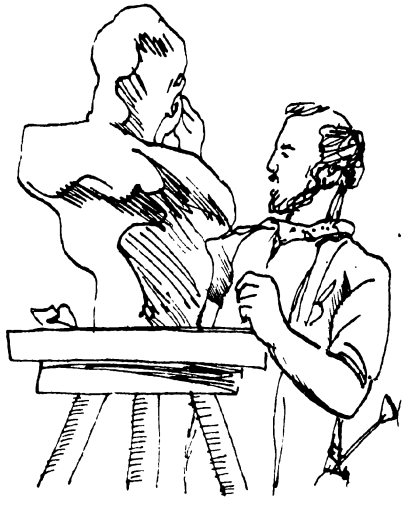
Стихи Лёши Шельваха

КОГДА Лёша Шельвах в первый раз пришёл на занятие кружка юных поэтов Дворца культуры им. Ленсовета, он принёс две толстых тетрадки со стихами. В этих стихах юный поэт порой неуклюже, но всегда искренне и взволнованно, рассказывал о родном городе, о друзьях-пионерах, о своих мечтах. Два года занятий в литературном объединении многому научили Лёшу. Его стихи стали более образными, впечатляющими, интересными.

И не случайно Лёша Шельвах стал одним из победителей городского турнира юных поэтов, который проводился во время весенних каникул. Учится Лёша в 8 классе 170-й школы.

Скульптор

Он каждый вечер лепит эти лица
с глубокими колодцами глазниц.
Он просит посторонних
удалиться, —
он так не любит посторонних лиц.
О это вдохновенье,
эта жадность —
размять в ладонях
глинистый комок!
От этого становится мне жарко —
я никогда подобного не мог.
Он размягчает комья
серой глины
и крепким потрясает кулаком:
«Художники — они всегда
повинны
перед любым бесформенным
куском!»



Огонь

Бродили медленно по берегу...
Он жёлтый камень подобрал.
Держал его в ладонях бережно
и воду рукавом стирал.
Рассвета трепетное зарево
будило утреннюю сонь.
Он говорил мне: «Вот ударю я
по камешку — и есть огонь!»
Могли же люди первобытные...
А он не мог... совсем не мог.
И было влагой всё пропитано —
и листья, и кусты, и мох.
И берег выступил обрывистый,
сорвал тумана пелену.
Плескало озеро отрывисто
свою чуть слышную волну,
и снова становилось шёлковым,
а он сидел, камнями щёлкая,
как будто дал себе задание...
И так он поразил меня
своим отчаянным желанием
добыть хоть искорку огня!

Рынок

Рынок крутит, как турбина,
начиная от ворот,
крутит яростно и длинно
фрукто-овоще-ворот.
Тяжесть тыквы раскалённой, —
как весы-то уберечь!
Из-под кожуры зелёной
брызжет семечек картечь!
И багровые, как лето,
заслоняя продавца,
в угол свалены планеты,
пламенея, как сердца...
И в слепом дыму укропы,
раков чёрные усы...
Щедрый,
праздничный,
огромный,
рынок скачет
на весы!

Тишина

О тишина библиотеки,
как ты обманчива порой!
Несутся бешеные реки,
и бьёт неистовый прибой.
И, полон сдержанной угрозы,
индеец прячется во мгле.
А там — всевидящий угрозыск,
а тут — Колумб на корабле.
Рокочут сзади звездолёты, —
на Марсе первый человек,
а справа «Мессершмиттов» клёкот,
а слева — первобытный век.
И красный флаг на чёрной крыше,
и песня пламени в ночи.
И это вроде всё молчит...
Но неужели вам не слышно?..

Е. Воеводин

Рисунки В. Орлова

Конец усатого чёрта

РАССКАЗ

Удивительное дело, как живучи в девчонках пережитки! Конечно, не во всех девчонках. В этой истории, например, была виновата только одна Зойка. Но о том, что у нас произошло, я должен рассказать по порядку.

Уж кажется, давным-давно точно известно, что на свете не существует ни ангелов, ни домовых, ни чертей, а если и есть баба-яга, то это бабка Соколова, которая живёт рядом с почтой. В колхозе она работать не хочет, а разводит уток, благо до реки рукой подать, и ездит в автобусе на рынок — торговать утятиной. А потом бежит в Дорошино, в церковь, замаливать свои грехи. И вообще она очень отсталая, хотя её сын работает в городе шофёром такси.

Мы потеряли всякую надежду перевоспитать её. Бабка Соколова даже не пошла на лекцию о Марсе и о том, есть ли на нём жизнь. «Мне, — сказала она, — в нашей деревне от вас жизни нет, а то — на Марсе... Бог с ним, с вашим Марсом. Я лучше в Дорошино пойду, Варваре-великомученице свечку поставлю».

Не пошла она и на лекцию о чудесах. Лекция так и называлась: «Есть ли на свете чудеса?» — и читал её студент из Ленинграда. Мы узнали, что никаких необъяснимых чудес нет, а есть вполне объяснимые законы природы. После лекции мы решили пойти к бабке Соколовой и рассказать ей, о чём говорил студент, но бабка накинулась на нас с поленом.

— Вот, — кричала она, — я вам сейчас таких чудес по башкам понаставлю, что всё на свете забудете! Знаю, знаю, к моим уточкам подбираетесь! И так двух утят не досчиталась. Погодите, я ещё на вас в сельсовет доложу!

Мы с Митькой ушли обиженные. Во-первых, очень противно, когда на тебя кричат, а во-вторых, ни к каким утятам мы не подбирались. Очень нужны нам эти утята. Подумаешь! И мы дали друг другу слово, что больше сюда ни за какие коврижки не придём.

Но я начал этот рассказ с того, что многие девчонки полны пережитков. Это истинная правда. Страшно даже подумать, как нам всё чуть было не напортила Зойка Васильева, та самая Зойка, которую зимой посадили на парту к Митьке вместо меня.

Вообще Зойка вся состоит из восклицательных знаков. Иначе она разговаривать не умеет. Трещит так, что не разберёшь. И даже на нашем пионерском участке ухитряется трещать за работой.

Началось же всё с того, что вечером Зойка пронеслась по селу, протяжно воя:

— Чёрт!.. Чёрт!.. Чёрт!..

Потом она прибежала домой, кинулась на кровать и закрыла голову подушкой. Позвали мою маму, и она пошла к Зойке, прихватив бутылку валерьянки. А возле васильевской хаты уже собрались перепуганные женщины.

Зойка долго не могла выпить валерьянку. Зубы у неё так и бренчали по кружке от страха. И сколько её ни спрашивали, где она увидела чёрта, Зойка не могла ответить, только трясла головой и говорила:

— Там! Ох! Ох! Вот! Такой! Там! Усы!

Я и не заметил, как рядом со мной оказалась бабка Соколова. Она крестилась, смотрела на меня, поджав тонкие губы, и вдруг усмехнулась.

— Вот тебе и чудеса, — сказала она. — Чудеса...

Я пожал плечами:

— Померещилось ей, а вы и рады.

И ушёл на улицу к Митьке.

— Дурёха Зойка, — сказал я ему. — Перетрусила и ревёт. У девчонок всегда какие-нибудь выдумки.

— Да уж! — согласился Митька.

А дело оказалось нешуточным. Бабка Соколова сразу пошла по избам и всюду рассказывала, что Зойка впрямь увидела чёрта. Будто бы она стирала в Прядве, а чёрт высунул свою усатую харю из во-

ды, откашлялся и, пошевелив усами, ушёл обратно. И в этот же день человек десять пожилых, которые годами не бывали в Дорошине, отправились туда вместе с бабкой Соколовой, в церковь. Зачем? А за тем, чтобы приехал к нам поп и молитвами выгнал чёрта из Прядвы.

На следующий день мы поймали Зойку и, хотя она отчаянно брыкалась, потащили к Сергею Васильевичу, директору нашей школы.

— Вот, — сказал я, поставив Зойку перед Сергеем Васильевичем. — Полюбуйтесь. Разносчик пережитков. Чёрта видела собственными глазами.

— Может быть, вам надо было её не ко мне вести, а в район, к врачу-окулисту? — сказал Сергей Васильевич. — Может быть, Зоя плохо видит и ей нужны очки?

— По затылку ей нужно, — прогудел Митька.

У меня, вообще-то говоря, тоже здóрово чесались руки, но у нас с Митькой был железный договор — никогда не бить девчонок, как бы они того ни заслуживали.

— Хорошо, — вздохнул Сергей Васильевич. — Расскажи нам подробней о чёрте.

Зойка развела руками:

— Морда — вот такая! Высунулась! Я как охну! А он как закашлял! А я как закричу! А он как усами — шлёп! А я как удеру... Вот и всё!

— Вот такая, говоришь, морда? — спросил Сергей Васильевич, и я заметил, что глаза у него заблестели. — Ну-ну...

Он почему-то заволновался, встал и прошёлся по комнате. Потом, погладив Зойку по голове, сказал:

— Никакие очки тебе не нужны. Всё правильно.

— Понял чего-нибудь? — тихо спросил меня Митька. Я пожал плечами.

А Сергей Васильевич, проводив Зойку до дверей, обернулся и строго спросил:

— Утят у бабушки Соколовой таскали?

Мы с Митькой переглянулись.

— Честное пионерское, — сказал я, — не таскали.

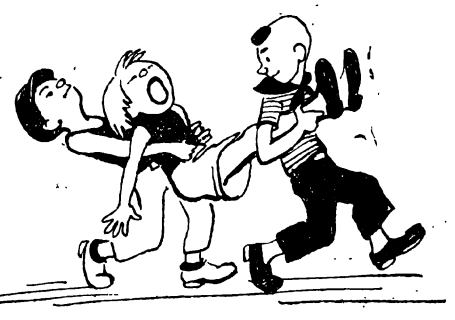
— А она приходила ко мне, жаловалась. Я, конечно, не поверил. Но теперь мне ясно, куда девались утята.

— Куда? — спросил Митька.

— Чёрт их съел, — серьёзно ответил Сергей Васильевич, а у самого так и прыгали в глазах весёлые, хитрые огоньки. — Чёрту ведь тоже надо чем-то питаться. Так что ничем, ребята, я вам помочь не могу. Есть в нашей Прядве усатый чёрт.

Мы так и ахнули.

Потом мы вышли на улицу, и Митька сказал:



— Ерунда. Явление природы.

— Может быть, рыба? — ехидно спросил я. — На нашей Прядве, может быть, кит объявился? Заплыл случайно из Тихого океана? Что-то я никогда не видел в нашей речушке рыбу больше чем на четыреста граммов. Наверно, кит.

Митька ответил коротко:

— Дурак. Может быть, тоже побежишь в церковь? И попа пригласишь?

Я стукнул его один раз, и он тоже стукнул меня один раз, а потом мы пошли в библиотеку, чтобы посмотреть книги по борьбе с суевериями, потому что хочешь не хочешь, а мы оба были секретарями антирелигиозного клуба. Мы вообще ничего не понимали сейчас. Да и что мы могли понять, если сам председатель клуба, наш директор Сергей Васильевич, утверждает, что в Прядве есть всамделишный чёрт!

— Ладно, — вздохнул Митька, когда мы перелистали пять или шесть брошюр. — Выход один: дежурить на Прядве и самим увидеть чёрта.

К вечеру мы ушли на Прядву. Уселись в кустах на высоком берегу, там, где Зойка увидела чёрта. Было тихо. Мелкая рыбёшка — единственная обитательница нашей Прядвы — скакала из воды, как камешки, запускаемые «блинчиком». Над рекой едва заметно курился туман. И, наверно, от сырости, поднимавшейся от реки, меня начало знобить. Временами я глядел на Прядву, на чёрную воду, чтобы не проглядеть чёрта.

— Что ты крутишься? — прошипел Митька. Он сам был немного не в себе, это я отлично видел. — Надо смотреть по очереди, не отрываясь. Давай ты смотри первый, а я буду охранять с тыла.

«Ага, — подумал я. — Тоже закрутился. Ничего. Всё это ерунда. Чертей всё равно нет».

Вдруг Митька сдавленно прошептал:

— Идёт!..

Неподалёку послышались тихие шаги. Сердце у меня замерло. Наконец шаги раздались совсем рядом, и мы увидели Сергея Васильевича. Он спускался по тропинке, а в руках у него был какой-то свёрток.

Сергей Васильевич подошёл к реке, положил свёрток на песок и долго глядел на воду.

Потом он развернул свой свёрток, и мы увидели, как он вынул оттуда длинный, толстый шнур.

Он стоял к нам спиной и что-то делал со шнуром, а затем, размахнувшись, бросил какую-то штуку в воду. Шнур потянулся, разматываясь. Сергей Васильевич закурил, отошёл в сторону и, намотав на руку конец шнура, сел на камень.

Он курил одну папиросу за другой, а мы глядели сверху.

— Интересно, — прошептал Митька, — на какую приманку клюют черти?

— На утят, — неуверенно сказал я.

— Похоже, что он бросил котлету, — сказал Митька. — Или бутерброд с сыром.

Уже стемнело. Отсюда, сверху, мы видели только красный огонёк папиросы Сергея Васильевича. Огонёк то разгорался, то затухал, то разгорался вновь. Где-то в нашей деревне залаяла собака, и опять всё стихло. А мы всё не уходили, лежали за кустами и смотрели на этот огонёк. Озноб у меня прошёл. Было совсем не страшно. Сергей Васильевич был рядом, и я даже задремал.

Очнулся я оттого, что Митька больно стукнул меня в бок и что-то крикнул. Спросонья я ничего не мог разобрать. Внизу, у реки, слышалась какая-то возня, гулко плескала вода. Я не сбежал, — я скатился к воде кубарем и упал прямо под ноги Сергею Васильевичу.

Уже кончалась короткая летняя ночь, и поэтому я разглядел напряжённую фигуру Сергея Васильевича. Он упирался ногой в камень, а толстый шнур, намотанный на его руку, был натянут струной.

— Есть! — орал Митька. — Есть! Я его уже видел. Башка — во! Усы — во! Есть!

Я вскочил на ноги и тоже увидел огромную плоскую мор-

ду. Потом морда исчезла, взметнулось длинное, как бревно, туловище, брызги так и посыпались на меня.

— Отойдите, — прохрипел Сергей Васильевич. — Зашибёт!

Какое там! Мы тоже вцепились в шнур, но Сергей Васильевич снова прохрипел:

— Уйдите, я вам сказал. Сорвётся!

Он то опускал шнур, то снова начинал подтягивать его. И снова над водой поднималась то приплюснутая морда, то туловище, похожее на бревно. Я не знаю, сколько времени продолжалось так. Потом Сергей Васильевич говорил — сорок минут. Сорок минут необыкновенная добыча не желала сдаваться. И всё-таки Сергей Васильевич подтянул её на мелководье.

— Хватайте за жабры, — сказал он.

...Огромная рыбина лежала на песке, изредка поводя из стороны в сторону своим длинным, скользким туловищем. Сергей Васильевич закурил, поднеся к папиросе спичку дрожащими от усталости руками.

— Вот вам и чёрт, — сказал он. — Килограммов на тридцать потянет сомовище!

— Сомовище? — переспросил я. — У нас, в Прядве, сом?

— Заплыл разбойник, — усмехнулся Сергей Васильевич. — За утятами пожаловал, да вот на куриные потроха соблазнился, что я ему с крючком подкинул.

Мы с трудом подняли сома в гору. Голова сома лежала на плече Сергея Васильевича, а мы с Митькой держали хвост. Это было похоже на картинку из книжки — так в старину пажи несли шлейф короля. Мы пыхтели и обливались по́том, такой он был тяжёлый, этот сом.

Наконец мы вошли в деревню. Ещё все спали, и мне было жалко, что никто нас не видит.

Вдруг Сергей Васильевич сказал:

— Стойте!

Из калитки бабка Соколова выгоняла своих утят. Они бежали, переваливаясь с боку на бок. Бабка поравнялась с нами и, взглянув, охнула.

— Вот, Агафья Семёновна, мы чёрта поймали, — сказал Сергей Васильевич. — Голова, усы — всё на месте.

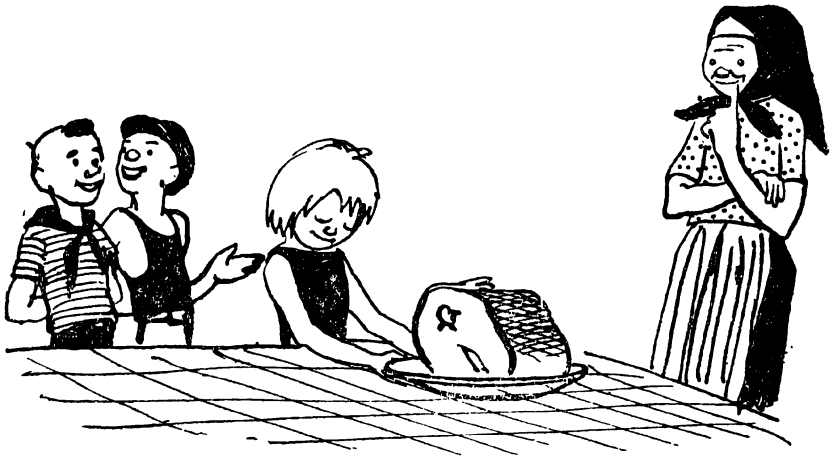
— Ахти, тошненько! — тихонько вскрикнула бабка и начала креститься на телевизионную антенну, поднятую над нашей избой. Мы смеялись. Бабка перестала креститься и оторопело смотрела то на нас, то на сома.

— Вот кто ваших утят крал, — сказал директор. — Зря вы на ребят наговаривали.

Бабка, поджав губы, пошла дальше. Потом она обернулась и крикнула:

— А продавать рыбу будете? Я бы купила килограмма два.

Мы не собирались продавать рыбу. Мы устроили пир. Сом был старый и невкусный, но мы, в том числе и Зойка, ели его с удовольствием. И снесли большой кусок бабке Соколовой. Бесплатно, разумеется. Пусть попробует варёной чертенятины.



Здравствуй, Фидель!

(К фотоснимкам на 2-й и 3-й страницах обложки)

БЕЛОБРЫСЫЙ парнишка в пионерском галстуке стоял в толпе на Московском проспекте и держал в руке кубинский флажок, который он нарисовал сам. Стоял, как все, порой даже шутил с товарищами. И никто не догадывался, какое волнение испытывает этот юный ленинградец. Вдруг Фидель проедет не по этой дороге? Вдруг кто-нибудь заслонит его от мальчишки спиной? Да и узнать не так-то просто, ведь многие кубинцы носят бороды, а Фидель ведь приехал не один.

Тем временем на посадочной площадке аэродрома приземлился огромный самолёт. Маленькая Галя Вялых кинулась к трапу. Нет, она не перепутала! Она подбежала к Фиделю Кастро и протянула ему цветы.

Галя ни слова не знает по-испански, но она догадалась, что герой Кубы, подхвативший её на руки, спрашивает, как её зовут. Она ответила.

— Тебя зовут Га-ль-я? — переспросил Фидель. — Отличное имя, русское!

А потом он ехал по улицам в открытой машине — большой, весёлый, такой знакомый всем по портретам. И никто не заслонил белобрысого парнишку, вскинувшего свой флажок. Фидель даже кивнул ему и улыбнулся.

Сколько таких мальчишек волновалось на улицах, на площадях, на набережных, когда дорогие кубинские гости въезжали в наш город. Их не счесть. Многие ухитрились взобраться на деревья, на крыши домов, чтобы уж наверняка разглядеть всё в подробностях.

Но самое большое волнение пережили в тот памятный день всё-таки не ленинградцы, а кубинцы, и прежде всего Фидель. Ведь перед ними гостеприимно распахнул ворота город великого Ленина, давший первую в мире социалистическую революцию, которая указала угнетённым народам всего мира чёткий и ясный путь к свободе.

Улицы, площади, набережные, дома нашего города — это революционные реликвии. Здесь жил Ленин, отсюда на весь мир, как набат, прозвучали его слова о том, что социалистическая революция свершилась.

Вот Фидель Кастро в Разливе (2-я страница обложки). Он стоит среди деревьев, держит в руке цветы, но смотрит на два старых пня. Герой Кубы знает, что здесь скрывался Ленин, здесь написал он книгу «Государство и революция», которую Фидель читал у себя на родине на испанском языке. Возможно, что один из этих пней служил Ленину письменным столом, а другой стулом...

У шалаша он опустился на колено. В молчании вождь кубинского народа как бы беседует с вождём мирового пролетариата Лениным. Фиделю о многом надо расспросить своего учителя, сверить свой компас по ленинскому.

И снова он в Ленинграде. Вот Смольный, где в октябре 1917 года взмыл по флагштоку алый флаг победившей революции, где работал и жил Владимир Ильич. Машина медленно проходит среди ленинградцев, которые приветствуют легендарного героя Кубы, а он простёр руку, словно хочет обнять всех. Он торопится, ему ещё надо так много увидеть.

«Аврора». У бакового орудия Фиделя встречает первый комиссар корабля революции А. В. Белышев. Им есть о чём поговорить, морякам. Ведь революция на Кубу тоже пришла с корабля. Маленькую шхуну «Гранма» привёл Фидель.

Удивительно общительным, словоохотливым и весёлым человеком оказался наш гость Фидель Кастро. На «Электросиле», на улицах и в магазинах он был совсем недолго, но успел со многими познакомиться, обзавестись друзьями. На стадионе имени С. М. Кирова спортивные «болельщики» сразу нашли с ним общий язык и вынуждены были признать, что герой Кубы знает толк в спорте. А Фиделю так понравились и стадион, и спортсмены и болельщики, что он начал их фотографировать, чтобы показать у себя на родине своих новых друзей-ленинградцев.

Пёстрые заметки

Соловей

Многие его знают лишь по названию. Оперение соловья очень скромно. Сверху он серый с коричневым оттенком; хвост, особенно надхвостье, — рыжеватокоричневое. Песню соловья можно услышать уже во второй половине мая, под вечер, в густо заросшем кустарником саду или на опушке леса. Песня соловья состоит из отдельных мелодий, обычно заканчивающихся щёлканьем. Между двумя мелодиями, или, как их называют, «строфами», всегда бывает небольшой перерыв (с минуту). Чем старше, опытнее певец, тем больше у него строф, тем красивее, громче они звучат. Пенье самца (самки не поют) продолжается 1—1½ месяца. В июле соловьи умолкают.

В окрестностях Ленинграда соловьи обычно появляются в половине мая и сразу же дают о себе знать пением, которое особенно чётко раздаётся в белые ночи. В это время иногда удаётся услышать песню соловья даже в городе, например, в Ботаническом саду. Близ нашего города соловьи водятся в Павловском парке, Невском лесопарке, в окрестностях Сестрорецка. Каждая пара птиц имеет свой излюбленный район, площадью в несколько гектаров, и других соловьёв к этому месту не допускает.

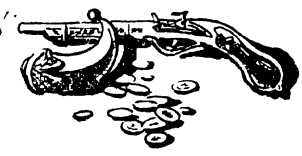
Гнездо соловьи устраивают всегда на земле, в ямке. В конце мая в нём уже можно найти 4—6 яичек шоколадного цвета. В июле птенцы, отличающиеся от взрослых птиц светлыми пятнами на спине, покидают гнездо. После линьки, которая заканчивается в середине августа, соловьи начинают свой отлёт на юг. Зимуют они далеко, долетая иногда до тропической Африки, но на местах зимовки не поют.

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА

На борт судна рыболовецкой артели «Саркана бака» подняли трал. В сетях оказалась не только рыба, но и старый, изъеденный ржавчиной сундук. Когда рыбаки хотели очистить его от ракушек, он распался. Перед взорами рыбаков оказались полуистлевший мундир офицера русской армии, пистолет с резной деревянной ручкой, роговая пороховница, монеты. На бронзовом стволе пистолета выгравировано: «1811, Тульский оружейный завод».

Находка с морского дна была доставлена в Вентспилсский краеведческий музей (Латвия). Директор музея Шулц, ознакомившись с интересной находкой, сказал:

— В 1812 году в Ригу приходили русские военные корабли. Сундук, найденный рыбаками, по-видимому, принадлежал офицеру одного из военных кораблей. Судно, по всей вероятности, попало в шторм у берегов Балтики и затонуло.



Единоборство со львом

В парке Петродворца возвышается исполинская фигура человека, разрывающего руками пасть льва — знаменитый фонтан «Самсон».

Но Самсон и лев отлиты из бронзы. А осмелится ли живой человек помериться силой с царём зверей?

Оказывается, такой смельчак нашёлся. В конце прошлого века выступал в цирке известный по тем временам атлет Евгений Сандов. Однажды хозяин цирка предложил ему выступить на арене против льва. Сандов согласился, но при условии, что лев выступит в намордниках и в перчатках на всех лапах.

В день выступления Сандова цирк был переполнен.

Первым впустили льва. Рыча, он выбежал на арену, отгороженную от зрителей железной решёткой, и начал яростно бить хвостом.

Публика, затаив дыхание, ждала невероятного зрелища. Она не спускала глаз с человека, который дерзнул состязаться со львом. Наконец Сандов вошёл в клетку. Лев ощетинился, угрожающе присел на лапах, готовясь прыгнуть. Но Сандов не сводил с него глаз и в решающий момент ловко увернулся.

Лев промахнулся. Теперь напал человек. Ему удалось захватить своего четвероногого противника со стороны спины. Сандов сжал льва своими чудовищно сильными руками и, швырнув его на арену, навалился сверху. Зверь был побеждён.

Цирк ликовал, награждая победителя бурей аплодисментов. И не удивительно, ведь не часто увидишь такое единоборство.

ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ ЛОСОСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ?

Учёных давно интересовал вопрос: в чём причина передвижения рыб, почему они стремятся двигаться в определённом направлении, чтобы перейти из пресной воды в солёную (морскую) или обратно? Группа учёных провела интересные исследования в этой области на Камчатке. Руководитель работ доктор медицинских наук М. Г. Закс рассказал:

— Получены интересные данные о процессе приспособления камчатских лососей к изменениям солёности воды. Известно, что для любого животного постоянство состава солей в организме — важнейшее условие жизни. Нарушение его грозит гибелью. На Камчатке мальки, уходящие из рек в океан, и взрослые лососи, идущие для икрометания из морской воды в пресную, подвергаются серьёзному испытанию. Кровь рыбы содержит намного больше солей, чем пресная вода, и примерно в два раза меньше, чем морская.

Исследования показали, что процессы, вызываемые переходом рыбы из пресной воды в солёную, происходят заблаговременно, предшествуя перемене среды обитания. Уже тогда у молоди начинают появляться качества, присущие морским рыбам, а взрослые лососи, ещё до того как попасть из моря в реки, начинают приобретать «пресноводные» черты. Всё это проливает некоторый свет на причины, которые заставляют лососей двигаться в определённом направлении.

Знаешь ли ты, что?

...на старт III спартакиады народов СССР в этом году выйдет не менее 60 миллионов человек? На I спартакиаде, состоявшейся в 1956 году, стартовало 23 миллиона физкультурников, а три года спустя II спартакиада собрала под свои знамёна уже 40 миллионов ловких, сильных, умелых, быстрых.

★

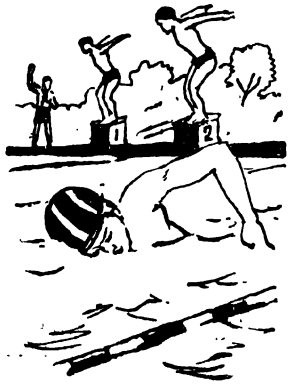
...в этом году в туристских путешествиях и экскурсиях примет участие до 30 миллионов человек? В их распоряжение предоставлены 318 туристских баз, 105 специальных поездов и 45 пароходов. Разработано 370 маршрутов.

★

...сейчас в стране действует более двух тысяч загородных оздоровительных лагерей? В минувшем году в них провело свои отпуска более полумиллиона рабочих и служащих. В ближайшие два-три года таких лагерей будет пятьшесть тысяч.

★

...знаменитый прыгун Валерий Брумель уже двенадцатилетним школьником одолел высоту 1 метр 30 сантиметров? Через год планка поднялась ещё на 45 сантиметров. Теперь рекорд Валерия Брумеля— 2 метра 26 сантиметров.



★

...спорт укрепляет лёгкие? Занятия спортом значительно увеличивают вентиляцию лёгких. При спортивных нагрузках она возрастает в 10—20 раз. Интересно, что наибольшая величина жизненной ёмкости лёгких наблюдается у спортсменов. Так, например, у лыжников она равна 5800 кубических сантиметров, у конькобежцев — 6000, у бегунов на короткие дистанции — 6300, у пловцов — 6900, у баскетболистов — 7000 и у гребцов — 7200 кубических сантиметров.

★

...над школьниками Калининского района Москвы шефствуют студенты Центрального института физкультуры? Студенты помогают юным спортсменам стать сильными и ловкими. И вот результаты: за минувший год более 4000 ребят сдало нормы ГТО и БГТО, 3500 выполнили разрядные нормативы, а некоторые — и норму мастера спорта.

★

...в нашей стране насчитывается около 187 тысяч физкультурных коллективов? В них подготовлено до 30 тысяч мастеров спорта, более 177 тысяч разрядников.

★

...экс-чемпион мира по шахматам Александр Алёхин в турнирах и матчах сыграл 1264 партии, из них 753 выиграл, 402 свёл вничью и 127 проиграл? Другой экс-чемпион Хозе-Рауль Капабланка сыграл 583 партии, из них 302 выиграл, 246 свёл вничью и проиграл только 35 партий.

★

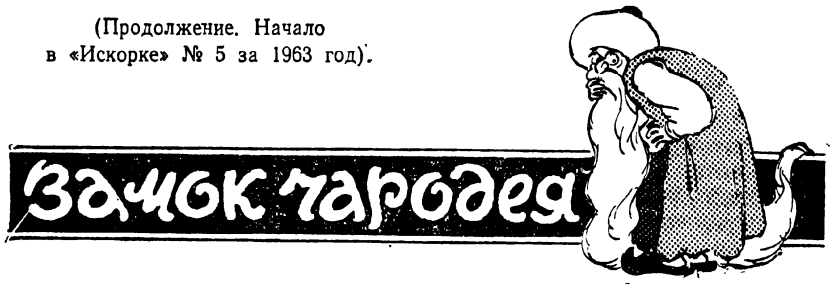
...городошники нашего города ежегодно оспаривают приз — миниатюрную медную дощечку с изображением городошной площадки с битами и городками на ней? На дощечке надпись: «Мастеру городошного цеха...» Это был подарок физкультурников страны академику Ивану Петровичу Павлову — большому любителю городков.

★

...эмблема нынешней весны — силуэт бегуна? Состязания по кроссу — самые популярные, они привлекают наибольшее число участников.

Клуб смекалистых ребят

(Продолжение. Начало в «Искорке» № 5 за 1963 год).



ГЛАВА 2.

ОСТАВШИСЬ одни, друзья осмотрелись и заметили Зайку.

— А ты что здесь делаешь? — удивились они.

— Вот уже две недели я стараюсь узнать, как зовут чародея. Но у меня ничего не выходит, потому что я не умею разгадывать ребусы...

— Зато мы умеем, — сказала Ира. — А разве имя чародея — загадка?

— Загадка, да ещё какая!.. Имя его написано на щите над дверью, но, чтобы его прочесть, нужно узнать **три числа. Первое** получится, если разгадать ребус на люстре; **второе** — если разделить на три равные части многоугольник на камне с цифрами и сложить числа на любой из этих частей; если это второе число вычесть из первого, то получится **третье** — самое главное число. Его нужно вычеркнуть на щите везде, где оно есть, а остальные числа превратить в буквы... Кто знает алфавит, тому это вовсе нетрудно. Так можно узнать имя чародея.

— Кажется, не так уж сложно, — сказал Костя. — А что нужно ещё?

— У чародея есть оруженосцы — Кашкош и Мушташ. Они стреляли здесь из лука и разбили зеркало. Скупой старик страшно рассердился и хочет узнать, кто из них первым затеял эту забаву...

— Первым выстрелил в зеркало? А как же это можно узнать?

— Не знаю... Наверное, можно, если посмотреть да подумать.

* * *

— Тут везде какие-то буквы, — сказала Ира, оглядываясь.

— Это загадки. Их я уже отгадал. А вот с кроссвордом — ничего не получается.

— С кроссвордом? — удивились дети. — Здесь есть и кроссворд?

— А как же... Чего тут только нет! Видите нолики на лестнице сбоку? Так это не нолики, а буквы О. Тут должен получиться кроссворд, если в пустые клетки вписать буквы. Десять слов по горизонтали и десять по вертикали.

— Зайка! — удивился Костя. — Откуда ты таких слов набрался? По горизонтали да по вертикали...

— Посидишь здесь — не того ещё наберёшься... — неопределённо ответил Зайка. — После этого можно открывать дверь, которая позволит выйти отсюда.

— А она не на ключе?

— На ключе. Ключ висит на стенке. Его не так-то просто снять, но я уже придумал, как это можно сделать, только мне не достать. Ключом нужно обвести весь переплёт двери, ничего не пропуская, нигде не проходя дважды и не пересекая уже проведённых линий. Тогда дверь откроется...

* * *

Как звали чародея?

Кто первым попал в зеркало — Кашкош или Мушташ?

Прочтите и разгадайте три загадки — на часах, на перилах лестницы и на большом камне.

Подберите слова для кроссворда.

«Снимите» ключ и «откройте» дверь.

ОТВЕТЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

На обложке сказки написано: «Приключения трёх друзей в очарованном за́мке».

Компас не следовало носить на стальной цепочке.

На стволах деревьев можно было прочесть: 1. «Осторожно!» 2. «Что впереди?» Кроме того, дети не заметили однофлажного сигнала «Веди»: «Курс ведёт к опасности».

На чалме Чародея хвастливая надпись: «Вот каков я!»

СОДЕРЖАНИЕ

Волшебная карта. Стихотворение В. Суслова 1
Ненужный попутчик. Рассказ Леонтия Раковского . . . 2
Солнечный зайчик. Стихотворение В. Шумилина . . . 10
Человек не сдаётся. Очерк В. Кононенко 11
Я без дела не снжу. Стихотворение Н. Егорова . . . 23
Фуражка, Стихи для сонь, Огонь, Попугай, Ловля раков, Ветер. Стихотворения Ильи Дворкина 24
Проделки Нептуна. Рассказ С. Бузо 27
Семеро и Кузнечик. Продолжение повести Эмиля Офина . 31
Поварёнок. Стихотворение Е. Руженцева 48
Скульптор, Огонь, Рынок, Тишина. Стихотворения Лёши Шельваха 49
Конец усатого чёрта. Рассказ Е. Воеводина 51
Пёстрые заметки 59
Клуб смекалистых ребят 62

На **1-й** и **4-й страницах** обложки рисунок художника Г. Праксейна **«Мяч в игре».**

На **2-й** и **3-й страницах** обложки фотоснимки В. Самойлова **«Здравствуй, Фидель!»**

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1).
Телефон А 2-87-53.

Сдано в набор 10/V 1963 г. Подписано к печати 25/VI 1963 г. 4 печ. листа.
М-46708. Заказ № 738. Формат бумаги 70×108 1/16. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57.

Здравствуй, Фидель!

Текст читайте на 58-й странице.

Цена 10 коп.